

Михаил Алексеев

СТИЛЕТ ДЛЯ «ТАЙФУНА»

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Военная фантастика (АСТ)

Михаил Алексеев

Стилет для «Тайфуна»

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Алексеев М. Е.

Стилет для «Тайфуна» / М. Е. Алексеев — «Издательство АСТ»,
2021 — (Военная фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-135576-0

Рыцаря Средневековья можно было ошеломить, заставить отступить, но убить было крайне сложно. При отсутствии орудий поражения оставался только вариант – нанести смертельный удар стилетом, в более ранние времена носившим название «мизерикорд», в сочленение доспеха. В нашей истории группа армий «Центр» представляла собой такого рыцаря, который шел напролом к своей цели – столице нашей страны. В реальной истории Красная Армия в битве под Москвой сумела ошеломить врага и заставила отступить. И хотя Верховное Главнокомандование считало возможным полностью разгромить врага, этого не случилось. У Красной Армии, образно говоря, в этот момент не нашлось стилета, чтобы нанести противнику смертельный удар. Теперь же ситуация изменилась, и стилетом должна была выступить 20-я армия Ершакова, находящаяся в тылу группы «Центр». А дальнейшие планы предполагали преобразовать этот стилет в дагу в дополнение к тяжелой шпаге – 16-й армии Рокоссовского, что должно было кардинально изменить ход войны.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-135576-0

© Алексеев М. Е., 2021

© Издательство АСТ, 2021

Михаил Алексеев

Операция «Тайфун»: Стилет для «Тайфуна»

© Михаил Алексеев, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Серия «Военная фантастика»

Выпуск 194

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

2 ноября 1941 г.

Особый район. Штаб 20-й армии

– Товарищи офицеры!

– Отставить!

Вошедший в кабинет командарм-20 Ершаков с укоризной посмотрел на своего начальника штаба, подавшего команду.

– Николай Васильевич! Занятия у союзников закончились. Все! Начались боевые будни. Так что прошу руководствоваться нашим уставом.

– Виноват! Товарищи командиры!

– Вот так! Хотя, я думаю, это ненадолго, – проходя к своему месту за столом, заметил командарм. – Скоро и мы наденем погоны. Здравствуйте, товарищи! Вольно! Садитесь! – обратился он к стоявшим навтыжку за большим столом командирам дивизий. – Итак, дивизии Рокоссовского прибыли в Особый район и заняли установленные для них позиции. Нам дается два дня на прием войск. Вот разнарядка. Николай Васильевич, передай комдивам.

Ершаков передал НШ четыре довольно объемных папки.

– На основании последних данных штаба 16-й армии о численности мы постарались распределить остатки армии между нашими четырьмя дивизиями. Кроме этого, в папках справки о командном составе, включая командиров полков и штабов дивизий. Можете восполнить недостаток штабных командиров за счет них. Выбор командиров полков оставляю за вами.

Сейчас ваша главная задача – распределить передаваемый личный состав по трем мотострелковым полкам и подразделениям обеспечения. Два оставляете на позициях и усиливаете их оборону своими танковыми полками, артиллерией и зенитчиками. Третий полк выводите в тыл, и там все по порядку – санитарная обработка, замена обмундирования, комплектование подразделений по нашим штатам, перевооружение, освоение техники и оружия и далее сколачивание подразделений. Аналитики союзников дают прогноз оперативной паузы от трех до шести недель. Последняя цифра маловероятна. Промедление для немцев просто губительно. Хотя их план «Барбаросса» и провалился, они в это верить пока что не хотят. Пока неизвестно, как Ставка рассчитывает использовать нашу армию – сразу ли бросит в бой, подрубая их танковые клинья, которые будут рваться к Москве, или даст им предварительно увязнуть в обороне Западного фронта. Поэтому ориентируемся на минимальный срок – три недели. Значит, на формирование каждого полка у вас должно уйти не более недели. Сроки, с одной стороны, нереальные, а с другой – личный состав не запасники, только что оторвавшиеся от женской юбки. Опыта у них – мама не горюй! Плюс командиры полков будут иметь еще по две недели как минимум на устранение недоработок. Да, еще очень важная информация! Особые отделы, усиленные личным составом и техникой союзников, будут проверять принимаемый личный состав. До последнего человека! Оказывать всемерную помощь и поддержку. Это первое.

Второе – это оборона периметра Особого района. После передачи личного состава эта обязанность ложится на нас. Понятно, что немцы уже ученые, а у района среди них крайне недобрая репутация, и я сомневаюсь, что они попробуют штурмовать Особый район. Но чем черт не шутит! А вдруг? Полки на переднем крае должны быть в готовности отразить атаку. И еще – диверсионные группы! Пограничники сейчас отошли к нам в тыл – они тоже переформируются, но позиции своих секретов и заслонов они должны были передать вставшим на их места полкам. Обратите на это особое внимание. Есть вопросы?

– Полковник Михайлов, 101-я МСД, разрешите вопрос?

– Слушаю!

– Товарищ генерал-лейтенант! Обратил внимание на разницу в количестве водителей из передаваемых частей и штатом моей дивизии.

– Три недели! Три недели, Григорий Михайлович! Медведей на велосипедах учат ездить. На двух колесах! А тут четыре или даже шесть. Учите! Понятно, что наши дивизии моторизованы даже не в пример довоенным мотострелковым, и уж тем более – стрелковым. Но других людей у нас просто нет. Значит, будем учить! Кстати, занятия по тактике продолжаются. Только теперь вы вместе с советниками будете учить командиров полков и их штабы. Как научите, так и будете воевать.

3 ноября 2016 г.

г. Вязьма

Степан проснулся внезапно, как от толчка. Организм, мгновенно избавившись ото сна, перешел в режим готовности действовать. Резко открыв глаза, Степан встретился взглядом с двумя парами глаз, внимательно изучавших его лицо. Пара серых, и другая – карих. Серые глаза Вани, карие Маши. Дети стояли у кровати в своих смешных пижамках и молча смотрели на него. Луч солнца, проскользнув в щель меж плотных штор, играл на картине, висящей на стене справа от входа в комнату. На картине была изображена лесная дорога, идущая по берегу то ли речки, то ли озера через березовую рощу, освещенную летним солнышком. Степан, повернув голову, посмотрел влево. На стене, покачивая маятником, размеренно стучали часы. А рядом с ним, уткнувшись ему в плечо, умиротворенно посапывала своим прелестным носиком Вера. Его Вера!

«Это сон? Конечно, сон! Такое счастье возможно только во сне! Вот сейчас протяну руки детям навстречу, и сон прервется. Тогда зачем? Зачем прерывать это счастье? А как иначе? Они ведь пришли ко мне. Во сне, но пришли! И я хочу попробовать обнять их хотя бы так».

Степан осторожно, пусть и во сне, вытащил занемевшую руку из-под Веры и, выпростав вторую из-под одеяла, протянул обе руки навстречу детям. И через секунду, когда его руки охватили худенькие тельца детей, до него дошло – это не сон! Это счастье, которое не где-то там, когда-то и вдалеке, а здесь и сейчас. Он вспомнил вчерашний вечер и ночь.

Вот они у перехода, стоят и ждут, когда придет майор Трофимов. И он пришел, попросив у Гришина командирскую книжку и отдав ее охране вместе с листочком бумаги. Сержант из спецгруппы, отвечавшей за охрану и оборону перехода, внимательно ознакомившись с протянутыми документами и еще более внимательно и подозрительно осмотревший Гришина, протянул ему документы, открыв калитку в заграждении, разрешая пройти.

– Так! Увольнение вам, Степан Антонович, комдив ввиду исключительных обстоятельств, разрешил до восьми ноль-ноль пятого ноября. То есть до послезавтра. Вера Васильевна! Уроки, которые вы должны были вести завтра, переносятся. По согласию директора школы, вас тоже завтра на работе не ждут. А сейчас давайте в машину, и нужно съездить за моей женой. Тут недалеко. Сергей! Позвони Гладкому и Дегтяреву!

Они сели в большую серебристую машину. Степан и Вера сзади. Степан держал в руке ее ладонь с дрожащими до сих пор пальцами, и от этого по всему его телу волнами шел жар. Дорога шла вдоль железнодорожных путей, ведущих от перехода. Остановились возле малень-

кой станции. Майор приложил к уху нечто похожее на маленькую рацию, подобную тем, что видел Степан у Васильева и его офицеров. Только меньше, гораздо меньше. И по этой рации он сообщил о своем прибытии кому-то, кого называл Зайчиком. Этим неизвестным оказалась миниатюрная симпатичная блондинка, вышедшая из здания станции.

– Познакомься, это муж Веры – Степан, – сразу предупредил садящуюся в машину женщину майор.

– Правда? – воскликнула женщина, повернувшись и с интересом взглянув на Степана. И тут же протянула ему маленькую ладошку, представившись: – Лариса! Лариса Владимировна.

– Капитан Гришин! Простите, Степан Антонович. Степан, – неожиданно для себя ступевался Гришин, не зная, как вести себя с этими людьми.

– Блин, а я ведь забыл познакомиться! Алексей Федорович. Трофимовы мы. Ну, Вера потом все расскажет, – спохватился майор, повернувшись и протягивая ладонь Степану. Рука оказалась сухой и твердой. Знать, майор не совсем уж был штабной работник.

– Так, довожу распорядок на сегодняшний вечер. Официальную часть: сейчас домой, запускаем баню. Я думаю, она в данном случае будет в самый раз. Давно, Степан, с переднего края?

– Да нет. Только сменились, прибыли в район Хватов Завода, как меня к комдиву вызвали.

– Вот! Значит, баня в обязательном порядке. Только на ее разогрев уйдет четыре часа. Пусть это будет личное время для вас обоих. В смысле, отец с детьми пообщается. Заодно маленький перекус устроим. А мужики подтянутся – шашлыки в качестве торжественной части сегодня в плане. Ну, не только мужики... По крайней мере, приедут все, кто сможет. Как-никак, Вера и Маша с Ваней наши общие крестники. План принимается?

Все это Трофимов говорил, крутя баранку и выезжая на дорогу.

Степан, к кому относился последний вопрос, лишь молча кивнул. Он сейчас был готов ко всему, так как душа его летала.

Монотонно и басовито рычал дизель, шумела дорога под колесами, мелькали деревеньки и встречные машины. Проехали КПП, на котором Трофимов лишь притормозил и, опустив стекло, по-приятельски махнул стоявшим у поднявшегося шлагбаума военным. Вера иногда перекидывалась с Ларисой Владимировной фразами о том, что готовить и что поставить на стол. Что нужно докупить в магазине. Но Степан под какую-то ритмичную музыку, лившуюся из радиоприемника, млел, не выпуская из руки и поглаживая своими огрубевшими от военной жизни пальцами нежные пальчики Веры. Более того! Неожиданно его бедро стало на редкость чувствительным, и он через шинель и пальто Веры ощутил тепло и упругость ее бедра. И где-то, совсем не в голове, начали зарождаться смутные желания.

«Фу ты, черт! Совсем как мальчишка! Распустился! Если сейчас, к примеру, немцы, то наверняка лопухнусь и не успею среагировать. Хотя... откуда тут немцы?» И Степан вновь погрузился в восприятие мира через пальчики Веры.

В себя он пришел, когда автомобиль остановился у магазина с большой надписью «Солнечный».

– Так, молодежь, – заглушив двигатель, обернулся и, взглянув на Степана с Верой, преврал их медитацию Трофимов, – мы с Ларой в магазин, вы – в детсад. И это... Степан, дай мне свой ТТ. На всякий случай! А то попадетсЯ какой-нибудь недоверчивый полицейский. Как бы до стрельбы не дошло. А у меня удостоверение – вездеход!

И, сунув протянутый Гришиным пистолет во внутренний карман, продолжил:

– Встречаемся тут. Пошли!

От магазина до детсада оказалось совсем недалеко. Вера, придирчиво взглянув на Степана, предложила ему подождать на улице и ушла за детьми.

«Что во мне не так? – удивился Степан и, оглядевшись по сторонам, понял: – А все не так!»

Кругом сновали люди, ездили машины, где-то вдалеке простучал на стыках и прогудел поезд. И тишина. В смысле – ни выстрелов, ни взрывов! И тут стоит он – в шапке-ушанке со звездочкой, полушубке, перепоясанном португеей с кобурой, пусть и пустой, в синем командирском галифе и сапогах. Причем это все, мягко сказать, не новое, кроме полушубка, и уж точно не совсем чистое.

«Да уж! Местным я совсем не выгляжу! – признал очевидное Степан и, вытащив папиросы, закурил. – Пачка кончается. Что-то я у майора папирос или сигарет не видел. Если он не курит, то в магазине ни за что не догадается купить. Беда!»

А минутами спустя ему стало не до папирос. Из дверей детского сада показалась Вера, рядом с ней бегали и смеялись два маленьких человечка в ярких комбинезонах.

Не доходя шагов десяти до него, Вера остановилась и, волнуясь, произнесла:

– Дети, к нам приехал папа!

Дети, услышав это, замерли.

«Факт! Меня не узнали!» – ужаснулся Степан. И пошел к ним.

Когда он подошел, Ваня стоял перед Верой, как бы защищая ее от человека, в котором он еще не узнавал отца, а Маша спряталась за Веру и оттуда смотрела на Степана своими темными глазами. Степан опустился на колени и, обхватив, прижал их к себе, спрятав лицо в шуршащей ткани комбинезонов. Ушанка при этом свалилась с головы на слегка заснеженную землю.

– Здравствуйте, мои родные! Здравствуйте, мои детки!

Голос его звучал глухо. Он с трудом сдерживал влагу на глазах. Потом заговорил Ваня. Причем заговорил не так, как он это помнил. Совсем не по-детски.

– Я знал, папа! Я знал, что ты придешь! Ты уже победил фашистов? Если нет, то я скоро тебе помогу. Вырасту и помогу!

Степан взглянул в его глаза и не увидел ребенка. На него смотрели серьезные глаза маленького, но уже взрослого человечка, видевшего смерть.

«Сволочи! У моих детей украли детство!»

– Обязательно, сын! Обязательно победим! Я постараюсь сделать это побыстрее!

А Маша ничего не сказала, просто Степан почувствовал, как его голову охватили маленькие ручки и его поцеловали куда-то в висок. Степан поднял своих детей на руках и посмотрел на жену. Та взглянула на него слегка повлажневшими влюбленными глазами и, нагнувшись, подняла его упавшую ушанку. После чего надела ее ему на голову и, поправив, произнесла:

– Пошли к машине! Тебе не тяжело?

– Я об этом мечтал – нести на руках своих детей. Мне во сне это снилось. Может, сейчас – это сон?

– Нет. К счастью, нет!

У машины пришлось подождать – Трофимовы еще не вышли из магазина.

Дети тут же слезли с рук и побежали к качелям, установленным рядом с магазином. Кроме качелей, там находился небольшой, но добротный сделанный спортивный городок. И почти сразу из магазина показались Трофимовы. Причем майор толкал большую сетчатую тележку, нагруженную покупками.

– Ну, вот! Немного затарились к праздничному ужину. Так! Ваня и Маша! В машину! – принялся распоряжаться майор, перегружая пакеты в багажник. – Надеюсь, ДПС тут нет. А то попадемся с детьми.

Про папиросы Гришин напомнить не решился. От магазина ехали недолго – минут пять. Дом Трофимовых располагался на крутом склоне над рекой, с которого открывался вид на улицы на другом берегу и на собор, возвышающийся над городской площадью. Дом Трофимовых и вообще дома на улице сильно отличались от привычных для Степана. Во дворе их

встретил лаем из вольера алабай. Для пограничников собака редкая, но не незнакомая. Особенно для тех, кто служил в Средней Азии.

Когда в прихожей стали раздеваться и хозяйка принесла Степану тапочки, он смутился. В баню он после вывода роты в тыл не попал, и портянки у него были, мягко говоря, не первой свежести. Поэтому он взял тапочки и вышел на веранду. Только закончил переобуваться, следом вышел Трофимов.

– Не переживай! – увидев в руках Гришина портянки, приободрил он его. – Оставь здесь. Потом после бани Вера наверняка поставит стираться твоё бельё, и портянки закинет. Я сейчас сауну включу – через четыре часа можно будет мыться. Только на прошлой неделе закончили баню строить. Сами к ней ещё не привыкли. Жена – большая любительница парной.

– Спасибо!

– Да не за что! Мы очень рады, что ты нашёлся. Твоя семья нам теперь не чужая. Так что... Эх-хе-хе! Как дальше-то будет?

– Теперь хорошо будет! Теперь я знаю, что Вера и дети живы, им ничто не угрожает. Знаете, какой камень у меня с души сегодня свалился? Я столько горя насмотрелся, пока отступал и из окружений прорывался. И каждый раз, видя убитых женщин и детей, представлял на их месте Веру с Ваней и Машей. Это страшно!

– Да! Это страшно! Но я не об этом. Я о своем, о мелкособственническом! О том, что Вере придется перебираться на ту сторону перехода. Пусть не сейчас, но придется. А мы и к ней, и к Ване с Машей привыкли. М-да... Вот когда понимаешь, что двоих детей недостаточно. Наши дочери разъехались, и мы остались одни. Ты, Степан, на ус мотай! У тебя есть время на исправление ошибок. Точнее, ошибки наши, и тебе их не исправить, но не допустить вполне возможно. Так! Пошли в дом, капитан! Стоишь тут босый!

– Я в тапках!

– Именно!

Степана отправили к детям на второй этаж. Вера вместе с Ларисой Владимировной занялась приготовлением ужина. Майор ушел во двор разжигать мангал. А Степан знакомился с игрушками детей. Постепенно собирались гости, и все поднимались к нему знакомиться. Таким образом, капитан Гришин был представлен двум полковникам из штаба Объекта и одной невысокой и ладной женщине – Ольге Владимировне, жене подполковника Богомолова.

А потом за ним пришла Вера. Загрузив его бельём, одеждой, простынями и полотенцами, держа в руках кувшин с каким-то напитком, она повела его куда-то вниз по лестнице.

Баня оказалась в гараже, где стояла машина, на которой они приехали. По размеру она была небольшая – парная с полкой в рост человека и электропечью, душевая кабинка, лавочка углом и небольшой стол, на котором стоял некий аппарат, оказавшийся радиоприемником. Который Вера включила, как только они вошли и зажгли свет. Из приемника лилась незнакомая ритмичная музыка, но Степану было не до нее.

Вера начала раздеваться. Степан про себя отметил, что на ней очень красивое бельё, какого у нее прежде не было. Начав вслед за женой снимать одежду, Степан оробел. Яркий электрический свет не позволял скрыть видимого возбуждения. Он так давно не был с ней, что застенялся своей наготы. Вера, раздевшись быстрее него, абсолютно нагая повернулась к нему лицом, окончательно смутив и заставив его покраснеть.

«Как пацан!» – с досадой констатировал Степан. От дальнейший терзаний его освободила Вера, прижавшись к мужу всем телом и впившись поцелуем в его губы.

На этом рациональное мышление Степана закончилось. Он полностью отдался чувствам. И свет ему уже не мешал. Терпкие губы, упругая плоть под рукой, твердый сосок, упершийся в грудь Степана, нежные и нетерпеливые пальцы на его естестве, его мокрая от сока ладонь, и, наконец Вера оторвалась от него и, повернувшись к нему спиной, оперлась на лавку. Пер-

вый раз закончилось все быстро, однако даже этого небольшого времени хватило, чтобы закончиться коротким сдавленным криком жены.

После этого они сидели на скамье, отдыхая, и целовались. Заметив, что муж снова переходит в состояние готовности, Вера улыбнулась и прошептала:

– Пошли в парную!

И тут же дополнила:

– Париться! А то я такого грязнулю и в кровать не пушу!

В парной Степан попробовал повторить то, что только что было между ними. Вера отвергла поползновения, заставив его улечься на полок и безжалостно отхлестав дубовыми вениками.

Уже выходя из парной, Степан обратил внимание, что входная дверь в баню со вставками из стекла, правда не прозрачного, и смутился, сообразив, что можно было рассмотреть, чем они тут занимались.

Вера, поняв, о чем он подумал, успокоила его:

– Не переживай. Во-первых, люди все тут давно взрослые. Все всё понимают. Поэтому кровать нам постеляют на первом этаже. А дети и Трофимовы спят на втором. Лариса Владимировна мне это уже объяснила и предупредила, что за детьми присмотрит, если ночью проснутся. Во-вторых, стекла непрозрачные, да и нет тут никого.

Степан прислушался. Действительно, голоса и мужской смех раздавались с улицы, где хозяин с товарищами жарили шашлыки.

Мылись долго – не менее двух часов. За это время повторили начатое в первые же минуты еще два раза. Из бани вышли как заново родившиеся, что недалеко было от истины. За эти два часа Степан с Верой скинули груз тревог и переживаний друг за друга, лежащий на их сердцах тяжелыми камнями все эти месяцы.

А потом был стол. Праздничный стол, хотя хозяйка все тревожилась, что ничего не успела и многого не хватает. На взгляд Степана, это было не так. Он не помнил в своем прошлом, чтобы ему когда-то приходилось сидеть за более богатым столом. Но все равно это было не главным. Главным была та атмосфера, что царила за ним. Степан, одетый в хозяйский спортивный костюм, просто купался в ней, кожей ощущая мирную тишину за окнами дома, душой чувствуя искреннюю радость всех окружающих за него и Веру и слыша веселый смех детей, сидящих у них на коленях. Звучали тосты, поднимались фужеры, рюмки и стопки. И что важно, не только за Степана и Веру. Пили за Победу, веру в нее и неотвратимость, стоя и молча помянули третьим тостом тех, кто уже не дожил до нее, своей смертью приблизив ее на шаг. Однако именно после этого тоста стопку Степана Алексей Федорович, на правах хозяина наполнявший сосуды спиртным, стал половинить. Степан, уже захмелевший и ставший более раскованным, хотел шутя возмутиться, но тут же жена наступила ему на ногу, выразительно посмотрев на него при этом. Спорить Степану сразу расхотелось.

Все когда-нибудь кончается – кончилось и это праздничное застолье. Гости разъехались, Вера ушла укладывать детей спать, хозяйка убиралась на кухне и мыла посуду, а Степан вышел на веранду покурить. Курить пришлось сигареты, оставленные ему полковником Гладким, узнавшим, что он остался без курева.

Прикурив, Степан оперся о стену открытой веранды и затянулся сигаретой. Внизу, под верандой, слышался голос хозяина, кормившего своего пса и разговаривающего с ним при этом. В зеркале еще не замерзшей реки отражались огни ночного города. За рекой по улице прогрохотал грузовик, где-то лаяли собаки, издали доносилась музыка. Вдоль реки поддувало северным ветерком, и Степан, пожившись, поплотнее закутался в накинутый полушубок и со вздохом умиротворения растворился душой в этом мире. Он был счастлив! И счастье продолжалось.

Спать их положили в самой большой комнате на первом этаже. Спальни детей и хозяев располагались на втором. Сквозь плотные шторы на окне пробивался мощный свет уличного фонаря, разгоняя мрак ночи. Степан с нетерпением ждал жену. Наконец погас свет в ванной, стукнула сначала ее дверь, потом дверь в зал, и Вера в ночнушке подошла к постели. Остановилась, а потом, нагнувшись и захватив подол, одним движением решительно сняла ее с себя. В полумраке на фоне светлеющего окна Степан разглядел манящую округлость ее груди и откинул край одеяла, приглашая свою любимую. Она тут же юркнула в постель, тесно прижавшись к Степану, который заботливо укрыл ее одеялом. А дальше...

Сейчас он обнимал своих кровиночек и был вне себя от чувств, переполнявших его. Тут же проснулась Вера и примкнула к их объятиям. Они были едины в этом счастье.

Потом был завтрак, после которого Степан с Верой стали собираться на прогулку с детьми. Его одежда, включая белье, сушилась в ванной комнате, поэтому пришлось надевать то, что нашлось из одежды хозяина. Это была смесь камуфляжной формы из разных комплектов, но далеко они идти не собирались и, по утверждению Веры, для деревни сойдет. Степан оделся. Исключением стали сапоги. Степан надел свои, правда, не стал заправлять в них штанины. В общем, по его мнению, выглядел он не ахти, но сейчас это для него было неважно.

Выйдя из дома за околицу, спустившись к темной глади медленно текущей реки, двинулись вдоль нее по замерзшей полевой дороге в сторону видневшейся в километре деревни. Дети с криками и хохотом бегали, догоняя друг друга, а Степан рассказывал Вере, что произошло с той минуты, как они расстались июньским утром. Рассказывал, опуская подробности, не желая ранить сердце Веры. А потом задал в свою очередь вопрос, который мучил его давно.

– А как ты тут оказалась? Я уверен был, что ты успела добраться до Горького. Пока от твоей матери не получил ответ на мое письмо, из которого узнал, что ты не доехала. Вот тогда я испугался за вас. Спать не мог.

– Мы на подводе, которую выделила застава, добрались до Ломжи. Поезд до Белостока отправлялся вечером. Билеты взяли без особых проблем, хотя в этом поезде ехало много таких же, как и мы. Видимо, с других застав. Мы все же сильно отличались от местных. И речью, и внешним видом. Ранним утром двадцатого приехали в Белосток. Там с билетами было сложнее. Стояли за ними несколько часов. Смогли взять только на ночной поезд. Весь день провели на вокзале. А на улице жара! Нам, взрослым, тяжело было, а дети вообще сомлели. Деньги у нас были, поэтому с едой проблем не было. Тем не менее еле дождались минуты, когда в поезд сядем. Они сразу уснули на полках. Даже есть не стали.

В Минск приехали в первой половине дня двадцать первого. И тут застряли. Билеты были лишь на двадцать второе июня. А утром Минск уже бомбили. И станцию тоже. Ты не представляешь себе, какой это был ужас! Паника! Все кричат! Куда-то бегут! Паровозы гудят! Все взрывается! А мы даже куда бежать не знаем. Прятались с детьми в какой-то яме неподалеку от станции. А меня мысль гложет: если тут так страшно – как ты там? Одно держало меня в сознании – дети. Когда отошла от шока, поняла, что билеты и расписание – все в прошлом. Как и вся жизнь до этого часа. Как стихло, собрались мы все, кто остался, в кучу, стали думать, как выбраться отсюда. Поезда ходили. И прибывали, и уезжали. Но уже сесть можно было только по спецпропуску коменданта. А он сажал в поезда только тех, кто был у него в списках. Это не сразу началось, но довольно быстро. А нас там, естественно, не было. Пробовали поодиночке и за деньги устроиться на отходящие поезда. Кому-то удавалось, кому-то нет. У меня с двумя детьми на руках шансов не было. Но мне повезло. Двадцать третьего на вокзал прибыла группа женщин с детьми. Возглавлял ее майор – помнишь, приезжал к нам с проверкой из округа? Фамилию забыла, но это неважно. Он обеспечивал эвакуацию членов семей командного состава округа. Для них выделен был вагон. Вот к нему мы и бросились за помощью. До смерти буду помнить и благодарить его за то, что не отказал. Он всю нашу оставшуюся группу сумел разместить в этом вагоне. Тесно было очень и душно, многим просто не хватило места

на полках – сидели в коридоре, но хоть дети спать могли, и главное – мы поехали из Минска! Ночью. И все со страхом ждали утра – ночи-то июньские короткие. За ночь успели доехать до Борисова. Ехали очень медленно и часто останавливались – говорили, немцы пути разбомбили.

До Смоленска добрались только двадцать восьмого июня. В дороге ели то, что могли купить у местных на остановках. А цены уже... В Смоленске у меня уже почти денег не осталось. И главное – Ваня простыл! Так я отстала от нашей группы. Пришлось остановиться у старушки, живущей неподалеку от станции. Помогала ей по хозяйству, продала на толкучке все свои подарки матери, свое, что можно было продать. Так и жили! Как Ваня чуть оклемался, решила уходить из города. Гремело западнее города уже отчетливо. Уехать поездом шансов не было – эвакуировали тоже по спискам. Многие уходили пешком по Старой Смоленской дороге. По Минскому шоссе в основном двигались военные колонны, и немцы ее часто бомбили, а старая дорога была и покороче, и немцы ей меньше внимания уделяли. Ушли пятнадцатого, потом узнали, что немцы заняли южную часть города шестнадцатого.

До переправы через Днепр добирались десять дней. Людей шло очень много. Даже детский дом – детишки возраста наших детей и старше, шли пешком. Гремело со всех сторон, включая восток, куда мы шли. Дети долго идти не могли, а я не могла унести двоих. Останавливались и кормились в придорожных деревеньках, благо их много было. Где так помогали, где отдавала то, что еще у меня было. Насмотрелись за эти дни всякого! Немецкие самолеты появлялись в небе почти ежедневно. Бомбить не бомбили, но из пулеметов обстреливали всегда. Тут важно было успеть сбежать с дороги и добраться до ближайших кустов. Кто не успевал – чаще всего погибали. Я помогала хоронить погибших, а дети стояли и смотрели на это. Вот тогда у них глаза стали взрослыми. В три года! Хоронили взрослых, стариков и детей. Это было самое страшное. Однажды в очередной раз сбежали с дороги от немецких самолетов и наткнулись на труп женщины. Она уже изрядно полежала там. Запах! Мухи! Стали ее хоронить, а Ваня посмотрел на это и говорит: «Мама! Если меня убьют – закопай меня сразу. Не хочу, чтобы меня мухи и черви ели. Я их боюсь!» Я копаю и плачу.

Пришли к переправе, а ее и бомбят, и обстреливает артиллерия постоянно. Бои шли чуть ли не в окрестностях моста. Река сама по себе в этом месте не широкая, но зато пойма километра два-три, и дорога идет по высокой насыпи. Днем никак не переправиться. Ждали ночи. А ночью пошли на мост. Это было еще страшнее самолетов. По мосту идет сплошной поток людей, машин, подвод, а рядом рвутся снаряды. Убитые и раненые падают в воду или их тут же затаптывают на мосту. Машины, вышедшие из строя, и убитых лошадей сразу же сбрасывали в реку. Я молилась всем известным мне богам, лишь бы не зацепило осколками детей и они не потерялись в этой толчее. Когда перебежали мост – дальше идти не смогли, так устали. До Дорогобужа шли еще десять дней. Пришли туда двенадцатого августа. Уже в окрестностях города Ване снова стало плохо – поднялась температура, началась ангина. Кое-как добрались до города, и я смогла найти жилье при госпитале. Там же и устроилась нянечкой. За еду. Одновременно врачи с Ваней помогали. Но нам нужно было идти в Вязьму – там была крупная железнодорожная станция, и все смоленские беженцы шли туда – там обещали отправить всех в тыл. Мы же задержались в городе на полтора месяца – пока Ваня выздоравливал, потом пока окреп. В конце сентября решила двигаться дальше. Уже холодать стало, а с одежкой у нас плохо было, мы же летом выезжали. Все, что я могла продать или обменять, уже закончилось. Машина из госпиталя шла в Вязьму, и нас на нее посадили. Думала, уже в тот же день будем в Вязьме. Не вышло. Попали под авианалет, водителя нашего убило, старшего машины ранило, и его повезли обратно в госпиталь. А мы проселочными дорогами, сокращая путь мимо Семлева, пошли на восток. Останавливались в деревеньках. Тут люди жили попроще и отзывчивей. Дети более-менее питались, а я уж как получится.

В начале октября, четвертого кажется, остановились, как всегда, в деревушке. У старушки, жившей в одиночестве. Дети только успели покушать, как в деревню вошли немцы. Их

было немного, но наших частей ближе, чем в Семлеве, не было вообще. Всех начали зачем-то сгонять к колодцу, а я сумела с детьми выбраться из дома и укрыться в прошлогодней высокой траве за хлевом. Там и сидели до темноты, надеясь уйти. А тут немцы неподалеку стали оборудовать пулеметную позицию. Мы уже замерзли, а уйти и даже двигаться нельзя – трава трещит от движения. А потом начался бой. Откуда-то подошла наша колонна. И тогда под шум боя я решила уйти. И мы смогли это сделать. Вижу, через поле движется колонна, от того места, откуда стреляют по немцам. Решила, что это, должно быть, наши. И нам надо успеть к ним, чтобы уехать отсюда. Побежали. Только когда уже достаточно отошли в поле, я расслабилась и встала во весь рост. А тут ракета. Пулеметчик, видимо, меня заметил и дал очередь. Слава богу, дети еще маленькие. Очередь прошла выше них, а меня зацепила одна пуля. В руку. Я бегу. Больно от движения, рука тяжелая, и я ее плохо чувствую. Кричу на детей, чтобы не останавливались и бежали к машинам, а сама думаю: «Сейчас упаду, как дети без меня?»

Не успели мы. Машины уже проехали. Мы выбежали на их след – примятую колесами траву, и тут силы оставили меня. Я помню только, как внезапно все стихло, как будто звук выключили, а потом в глазах посерело – и все.

Голос сбился, и Вера замолкла. Пережитое еще не отпустило ее. Инстинктивно она прижалась к нему, вцепившись пальцами в его руку. Степан накрыл ее пальцы своей ладонью, поддерживая и успокаивая жену. Вера продолжила:

– Пришла в себя в машине, чужие люди вокруг. Вообще чужие! Одеты в незнакомую одежду. Но главное – дети рядом. Заботливо укрытые кем-то и спят. Приехали в этот дом. Потом доктор. Потом все закрутилось. Люди оказались бывшими офицерами структуры, похожей на НКВД. Точнее, они говорили, что являются продолжателями НКВД. Я в этом плохо разбираюсь, но после приезда полковника Дегтярева из Москвы мне очень быстро сделали паспорт и устроили детей в детсад. Вот! Я теперь гражданка Российской Федерации! Как ты к этому относишься?

И Вера улыбнулась, лукаво взглянув на Степана.

– Я счастлив, что вы живы! Я счастлив, что вижу вас! Я люблю тебя! Как я давно этого не говорил!

И Степан поцеловал Веру. Засмеявшись, она легонько оттолкнула его.

– Дети смотрят!

И добавила:

– Алексей Федорович сказал мне, что я сама должна решить – остаться мне тут или вернуться.

– И что ты решила?

– Я поеду с тобой. За эти месяцы я поняла, как я тебя люблю! И вон... бегают плоды нашей любви. Куда я от тебя? Поэтому если скажешь – я переберусь на ту сторону перехода. Поближе к тебе.

– Это было бы здорово! – Степан с сожалением вздохнул. – Только на плацдарме сейчас людей как сельдей в бочке. Местные живут друг на друге. Все помещения – овины, сараи, бани – все занято. Поэтому пусть пока все останется как есть. Мы сможем видаться на той стороне. Сюда меня вряд ли отпустят. Я, когда отошел немного от эйфории встречи с тобой, удивился, что меня вообще сюда отпустил комдив. Думаю, это было просто слишком неожиданным для него, и он не совсем разобрался, что к чему. Наш полк входит в формируемую дивизию НКВД, которая будет охранять и оборонять район перехода. Поэтому, думаю, я тоже буду поблизости от тебя. Если, конечно, командование не отправит меня куда-нибудь – в пески Средней Азии, горы или тундру. Ты поедешь со мной?

– Поеду! Правда, мне будет не хватать телевизора. Да и детям их мультиков. Хотя нет! Без телевизора прожить можно. А вот стиральная машинка! Это что-то! Я уже забыла, что такое стирать руками. Вот этого будет жаль.

– Ну, мы что-нибудь придумаем!

В этот момент детям надоело играть одним, и они взялись за маму с папой.

День пролетел незаметно. Вечером вернулись хозяева. После совместного ужина Вера с хозяйкой повели детей в ванную, а Степан отправился на веранду покурить. Следом за ним вышел и Трофимов. Гришин знал, что майор не курит, а значит, вышел поговорить. И не ошибся.

– Степан! Что думаешь дальше делать? Я по поводу Веры интересуюсь. Ты ничего не подумай! Решение должно быть ваше. Это меня жена подослала. Хотя и мне Вера и Ваня с Машей уже не чужие.

Не успел Степан ответить, как он продолжил:

– Наши-то в Москве. И старшая дочь, и младшая. И внуки, соответственно. Знаешь, когда дети разъехались, понял, что нужно было на двух не останавливаться. Понятно, что тогда жизнь у нас тут была не сахар, но когда она такая была? В общем, пусто дома стало. А тут – твои! Знаешь, дом прям ожил. Поэтому и спрашиваю тебя – может, семья твоя пока у нас погостит? Нам в радость, а с той стороны... сам знаешь. А уж когда немцев отгоним, тогда и можно будет определиться.

– Да мы как раз сегодня с Верой это обсуждали. В общем, если вас не затруднит – я бы попросил, чтобы мои пока пожили у вас. А потом – куда пошлют. Если на фронт, она к матери в Горький поедет.

Трофимов был убежден, что капитан Гришин уже проходит по списку категории военнослужащих, которым заказан путь за пределы Особого района. По крайней мере, сейчас. В дальнейшем – все возможно. Но не в ближайшем будущем. А значит, Вера с детьми будут жить неподалеку. Об этом он решил не говорить. Мало ли! Степан молод, страх за семью ушел, а кровь бурлит и требует подвигов. «Все когда-то мы были рысаками!» – вспомнил Алексей поговорку одного старого опытного прапорщика, чуть не ставшего его тестем.

– Ну, добро! Пойду жену успокою. Ты давай, докуривай и на боковую. Завтра все рано встаем, кому в садик, кому на работу и на службу.

4 ноября 1941 г.

Особый район

– Капитан Гришин, вас приказано доставить в особый отдел дивизии. Следуйте за мной, – произнес старший лейтенант госбезопасности, забирая командирскую книжку из рук проверявшего документы пограничника.

– Капитан Гришин арестован?

Вопрос Трофимова застал особиста, уже повернувшегося спиной, врасплох.

– Нет... – и после секундной паузы, разобравшись в непривычных для него знаках различия, добавил: – товарищ майор. Есть необходимость задать товарищу капитану ряд вопросов. Если бы он был арестован, то у него бы отобрали личное оружие. Как видите, это не так. У вас, товарищ майор, больше нет вопросов?

– Нет. Пока нет.

Гришин переглянулся с Трофимовым и все так же молча направился в сторону штаба дивизии.

Трофимов же, вернувшись на территорию Российской Федерации, достал мобильник.

– Дмитрий! Все, как ты и предполагал. Нет, не арестовали. Вызвали на беседу.

Гришин не боялся. Не чувствовал он за собой вины. Да и не так обычно это происходит, когда речь идет о подозрении в предательстве. Он это знал наверняка. И тем не менее ситуация напрягала.

В кабинете особист, положив перед Гришиным вынутый из стола лист и новомодную шариковую ручку, предложил подробно описать все происшедшее с ним с момента выхода из штаба дивизии. Гришин такую видел у Васильева, но пользовался впервые.

Цанава писал докладную. Очередную еженедельную докладную на имя своего непосредственного начальника и тезки – Лаврентия Павловича Берии. Писал ему, будучи уверенным, что эти докладные читает и Сталин. И подобные докладные пишет не он один. Тот же Ершаков, Рокоссовский, Ракутин и многие другие. Каждый по своему профилю и своему началству, но в целом вся информация ложилась на стол Верховному. Он запретил перерабатывать ее и лично читал, так сказать, первоисточники. Слишком важна была тема, ценна информация, которую могли либо потерять при обобщении, либо не заметить нюансов, отнести их к неважным и тем самым совершить ошибку. Материал же для докладной Цанавы собирался из докладных подчиненных и информации, полученной им самим.

Неожиданно раздался вызов, и на телефонном аппарате, подаренном союзниками, заморгала кнопка адъютанта.

– Да? – бросил Цанава в сторону аппарата, ткнув пальцем в светящуюся кнопку и продолжая писать. Удобная штука этот аппарат. А уж как хвалит его адъютант комплект оргтехники, также подаренной и которой его научили пользоваться!

– Товарищ комиссар! – раздался мелодичный голос его гм... адъютанта. – К вам из штаба Объединенной группировки полковник ФСО Дегтярев.

– Пригласи! – с неохотой разрешил Цанава, отрываясь от докладной. Формулировка мысли не получалась. «Может, это и к лучшему. В смысле – прерваться», – пряча бумагу в стол, успокоил он себя.

– Разрешите войти?

– Разрешаю!

– Здравия желаю, товарищ комиссар государственной безопасности второго ранга!

Цанава счел возможным встать навстречу и протянуть руку.

– И вам не болеть! Присаживайтесь. Чаю? – уточнил он после рукопожатия. Этого полковника он помнил. Встречал на заседаниях штаба Объединенной группировки. Не на первых ролях, но все же он был вхож в высшую управленческую структуру группировки. И его фамилия звучала в докладных Воистинова и Ракутина. Причем в самых первых. Он был тем, кто вывел его посланцев на окружение президента России. Интересно, что ему нужно?

– Не откажусь. Не успел у себя. Полковник Дегтярев. Зам. начальника охраны Объекта. Федеральная служба охраны, – представился полностью полковник и занял место за столом напротив комиссара.

«Торопился! Что ж такое случилось? Мне вроде ничего не докладывали. Или... Да он не по службе!» – догадался Цанава.

– Слушаю вас! – начал беседу с напрашивающегося в такой ситуации вопроса комиссар.

– Я к вам обращаюсь не по службе. Хотя вопрос для вас касается именно ее.

И он коротко изложил ситуацию, возникшую чуть более суток назад. Цанава вспомнил информацию по вопросу, связанному с попаданием на ту сторону женщины с детьми. В тот момент его посланцы искали выход на президента, поэтому конфликтовать с людьми, которые могли в этом помочь, Цанава посчитал неправильным. В Москву об этом в докладной он все же сообщил. Его решение одобрили. Поэтому закрыли глаза и на получение российского паспорта гражданкой СССР. Вариант использования Веры Гришиной в качестве источника на той стороне в тот момент отбросили сразу. Эта ситуация возникла спонтанно, предусмотреть ее было невозможно. Гришину, естественно, к ней не готовили. И вначале связи с ней не было.

Когда она стала работать в школе на нашей стороне, вариант возник снова. Но по факту она жила в доме офицера спецслужбы. Его биография, направление и уровень подготовки известны были с его слов, достоверность которых проверить было невозможно, а спецдопрос к

попаданцам не применялся. Сам Цанавя и не разрешил. Поэтому пытаться получить источник, который может провалиться и просто дискредитировать СССР в глазах союзника, было как минимум недальновидным. Плюс имелся фактор возможности влияния на нее через детей, и она могла быть просто перевербована. Такой ход был вполне допустим. Поэтому ситуацию с Гришиной оставили в покое, отложив решение до момента освобождения окрестностей Вязьмы с возможностью для нее уехать к матери. Так, по крайней мере, считала Гришина, еще ничего не зная о муже. У Цанавы в частности и госбезопасности в целом на это было совсем другое мнение. Ничего ужасного ни для нее, ни для детей, но из Особого района выехать она могла только куда-нибудь в безлюдную тундру. Точнее, в Сибирь. Не совсем безлюдную, но где до цивилизации в виде паровозов и телефона далеко. Это касалось не только ее, а всех, кто был в курсе наличия объекта «Портал». И это была самая большая головная боль для всего наркомата и его руководителей, потому что счет уже шел на тысячи. Хорошо хоть успели силами пограничников установить карантинную зону вокруг объекта. Поэтому красноармейцы и командиры 16-й и 20-й армий видели и пользовались оружием и техникой, мало представляя, откуда они берутся. Среди них ходили самые невероятные слухи, половину которых точно сочинили и всячески подпитывали в особом отделе. Те же, кто общался с союзниками, воевал вместе с ними, бывал на той стороне, имели подписки о неразглашении с самыми страшными карами. К счастью, число таких было велико, но все же вполне контролируемо. Самой большой группой были пограничники из полков охраны тыла Западного фронта. Но с ними вопрос уже был решен – они проходят фильтрацию, все, в ком есть сомнения, уедут служить в места, озвученные выше. Остальные продолжают службу здесь до конца. И останутся тут жить после демобилизации. Семьи, у кого есть, будут перевезены в Особый район. К слову, особый отдел 20-й армии по своему составу уже превысил численность особого отдела Западного фронта. Но, видимо, количество не избавляет от досадных недоработок. Иначе чем объяснить то, что он попал на ту сторону, не будучи в списке? Или тут что-то другое, недоброе? Кто обнаружил эту недоработку и какие у него планы на сей счет?

В конечном итоге за все или почти за все происходящее здесь, и даже по ту сторону перехода, в определенной степени отвечает он. И эта ответственность не безлика, ее олицетворяют Берия и Сталин. И любая оплошность, любой промах его недоброжелателями и соперниками в аппаратной борьбе может быть преподнесен им в нужном им свете. Что их люди здесь есть, он не сомневался. Особенно учитывая факт расширения особых отделов 16-й и 20-й армий за счет кадров с Большой земли.

Все эти мысли прокрутились у Цанавы в голове, пока он ждал ответа от оперативного дежурного по отделу. Тот получил задание узнать, у кого на беседе находится капитан Гришин. Дежурный ответил быстро. Выслушав его доклад, комиссар мысленно облегченно вздохнул.

– Как освободится – с материалами ко мне! И еще. Капитана не задерживать!

Положив трубку, комиссар на мгновения задумался, а потом, глядя на Дегтярева, добавил:

– Все нормально будет. Но ряду лиц, включая командира дивизии и начальника особого отдела, выражу свое недовольствие. У вас есть еще просьбы и вопросы по этой теме?

– Нет, благодарю вас за помощь. И извиняюсь за доставленное беспокойство.

– Хотелось бы, пусть и в качестве благодарности, поговорить. Если, конечно, вы не торопитесь.

Полковник вскинул руку, взглядываясь в циферблат часов.

– Ну, минут сорок у меня еще есть, можно и поговорить. У вас, товарищ комиссар, похоже, есть тема. Я слушаю.

– Да! Хотелось бы вас, в смысле – союзников, получше понять. Вам-то проще – вы нас почти как облупленных знаете. Меня, к примеру. До недавнего прошлого ваши товарищи знали обо мне больше, чем я сам. Без подробностей, естественно. Так вот, для затравки вопрос пер-

вый: что вам в этом капитане? И лично вам, и вашим товарищам. И главное – почему буржуазная Россия помогает Советскому Союзу?

– По порядку. Есть такая крылатая фраза: мы в ответе за тех, кого приручили. Это слова из повести одного французского аристократа-писателя. В нашей истории он, будучи военным летчиком, погиб, сражаясь против фашистов.

Так вот, волей случая или судьбы, если хотите, жизни моих товарищей пересеклись с жизнью семьи Гришиных. Причем пересеклись в такой момент, который остается в памяти до конца жизни. Таким образом, сначала Вера и ее дети, а через них уже и капитан Гришин стали для нас всех не чужими людьми.

– М-да... душещипательно! Только вот как-то не складывается. Граждане, в том числе офицеры буржуазной России, заботятся о советской семье. А как же принцип жизни в капиталистическом обществе «Каждый сам за себя»?

– Ваша главная ошибка в данном случае заключается в том, что вы видите форму, но не различаете содержание. Да! В данный момент я и мои товарищи являемся офицерами Вооруженных сил Российской Федерации. Да! К нашему сожалению, государственным флагом России является триколор. Однако гимн остался за небольшим изменением советским. Звезды с Кремля никто не снял, памятники Ленину, опять же за незначительными исключениями, никто не сносил. Более того! Я себя лично, и моих друзей в том числе, считаю глубоко советскими людьми. Мы прошли все ступени воспитания советского человека – мы были октябрятами, пионерами, комсомольцами, коммунистами, наконец! И отсутствие партбилета на нашем мировоззрении никак не сказалось. Так что вы для нас не чужие люди. Я уверен, если бы моим друзьям пришлось бы взяться за оружие, встав в строй красноармейцев, когда они тут приключенствовали, то они бы это сделали без раздумий.

Обратите внимание! Почти все, кто служит в Объединенной группировке с нашей стороны, это все бывшие советские люди. Ну, кроме тех, кому по должности положено воевать. Все же у нас уже не тот возраст, чтобы с автоматом бегать. Есть ребята и помоложе. Но! Именно поэтому нас сюда и направили, потому как нам с вами легче найти общий язык. Ну и на всякий случай, чтобы коммунистическое мировоззрение дальше не распространялось. Нам-то служить осталось недолго. По советским законам мы все давно пенсионеры.

– Ясно! Объяснение принимается. Рад, что, кроме коммерческого интереса, нас объединяет еще и нечто большее.

– Полностью согласен. Теперь главный, почему помогаем? В нашем времени сложилась тупиковая ситуация. В масштабах всей планеты. Мировой кризис экономической системы капитализма. Определение империализма я зачитывать не буду – убежден, что вы в достаточной степени владеете теорией марксизма-ленинизма. Так вот, чтобы мировому гегемону можно было дальше жить, нужно кого-то скушать. Двадцать пять лет назад «съели» СССР и оттянули вот этот самый кризис. А сейчас... Представляете, внутренний долг США около двадцати триллионов долларов. Триллионов! Гигантская пирамида! И чтобы она могла существовать, требуется подпитка. Но для такого гиганта страны Африки, Латинской Америки – это крохи! Ему требуется большой кусок, чтобы поддержать свое существование. В какой-то степени способный конкурировать с гегемоном. А таких кусков осталось мало. Кроме США, это Объединенная Европа, Китай и мы, Россия. Наши природные богатства. Но проблема в ракетно-ядерном оружии, имеющемся у России, и паритете в этом вопросе с США. Поэтому верхушка США сейчас мечется в поисках выхода из сложившейся ситуации. Мы, естественно, готовимся к худшему сценарию, вооружаясь, однако рассматривается и вариант относительно бескровный. Ну, в смысле обойтись без ядерной мировой войны. И тогда, скорей всего, мировой валютой станет золото. Вот его-то руководство России и запасает на всякий случай. Всеми возможными путями. И продажа СССР старого оружия и технологий – прекрасный вариант увеличения золотого запаса. В данном случае это абсолютно прагматичный подход. Примерно

так же сейчас мыслят и Черчилль, и Рузвельт, и товарищ Сталин, забыв о своих политических разногласиях. На время забыв.

– А почему тогда Двадцатую армию Россия вооружает бесплатно?

– Ну, не совсем же мы чужие люди. Это первое. Второе – благотворительность тоже имеет место быть. У нас это называется рекламная акция. Эта техника и оружие уж совсем не современное для двадцать первого века. Ну, примерно как для вашего времени дульнозарядные пушки и мушкеты. Да и не так много его требуется в масштабах более чем полувекового накопления. А для СССР сорок первого года это более чем современное оружие. И попробовав даже это, по нашим меркам, старое оружие, есть вероятность, что советское руководство захочет приобрести более современное. А это уже будет стоить некоторое количество денег, для удобства расчетов выраженное золотым эквивалентом. Вот такая картина мне представляется, товарищ комиссар второго ранга! Опаздываю я, простите. Разрешите идти?

– Ну что ж, спасибо за беседу. Не смею вас больше задерживать, и за Гришина не переживайте – все будет нормально! – ответил Цанава, пожимая на прощание руку полковника. – И на будущее: можете меня называть Лаврентий Фомич.

И, уже глядя на закрывающуюся за Дегтяревым дверь, отметил про себя: «Интересная беседа! Ничего, конечно, нового я не услышал, но все же. Что касается Гришина... Портить отношения из-за выходки капитана с человеком из верхушки спецслужбы, ближайшим по своему положению к лидеру страны, являющейся по факту важнейшим союзником, – глупо. Нет! Не глупо, а преступно глупо. И я эту глупость не совершу. А капитан никуда не денется, и за ним присмотрят».

Особист не испортил настроение Гришину. То есть, возможно, и хотел, однако не успел Степан закончить сочинение на вольную тему, как в кабинет вошел дежурный по отделу и, отозвав к окну старлея, что-то прошептал тому на ухо. При этом инстинктивно выкатывал глаза, указывая на важность информации. Сразу после этого особист поскущел и, дождавшись окончания писанины Гришина, быстро прочел, для формальности задав несколько уточняющих вопросов. После чего вернул командирскую книжку и, проводив до дежурного, сухо попрощался. На что Гришин совсем не обиделся.

Выйдя из здания особого отдела, Гришин выдохнул и, улыбнувшись, двинулся в расположение роты. Запас его жизненного оптимизма был настолько велик, что даже встреча с сотрудником особого отдела настроение ему не испортила.

Цанава закончил читать написанное Гришиным, сложил в папку, аккуратно завязал и положил ее в ящик стола. Потом поднял голову и, внимательно посмотрев в глаза стоявшему перед ним сотруднику, произнес одно слово:

– Забудь!

– Слушаюсь! Уже забыл! – ответил тот и, повинувшись кивку комиссара, покинул кабинет. Цанава был в нем уверен. Он был его человеком. И другим уже быть не мог.

4 ноября 2016 г.

г. Москва. Кремль

– Здравствуйте! Давайте не будем терять время. Мы и так по этому важному вопросу давно не собирались. Валерий Васильевич! Дайте, пожалуйста, общую информацию по обстановке на сегодняшний день.

Начальник Генерального Штаба Российской Федерации поднялся из-за стола и подошел к мягко засветившемуся экрану.

– Войска Шестнадцатой армии Рокоссовского организовано отошли и заняли позиции по периметру Особого района. Проведенный контрудар по подвижным группам немецких дивизий силами авиации генерала Захарова, артиллерии и мехчастями Двадцатой армии Ершакова не позволил противнику организовать преследование отходящих войск. Общая чис-

ленность отошедших дивизий Шестнадцатой армии – около восьмидесяти тысяч. Плюс с колоннами войск в район прибыло около пятнадцати тысяч гражданских. Особый отдел Двадцатой армии, усиленный сотрудниками Шестнадцатой, прибывшими специалистами с Большой земли и нашей технической помощью, занимается фильтрацией как военнотружеников, так и гражданских.

Войска заняли оборонительные позиции с построением в два эшелона. Формально передача войск штабом Рокоссовского в Двадцатую армию завершена вчера. Сейчас идет реформирование отошедших дивизий в четыре мотострелковые дивизии послевоенного штата советской армии. Откровенно говоря, потери в дивизиях Шестнадцатой армии были значительными, и оставшийся личный состав – это в основном тыловики и вспомогательные подразделения. То есть боевой состав рот и батальонов пехоты формирующейся Двадцатой армии не лучший. Зато инженерно-саперных подразделений сформируем больше нормы. Радует, что формированием спецподразделений, артиллерии и танковых частей мы стали заниматься заранее и смогли за счет местных ресурсов и пополнения с Большой земли сделать это на хорошем качественном уровне. Это касается и подготовки экипажей и расчетов, и командирской подготовки всех уровней – от роты до штаба армии. Что, собственно, контрудар и подтвердил. Если противник даст время, сумеем подтянуть и уровень подготовки пехоты. Противник вокруг периметра особой зоны выставил суммарно до трех пехотных корпусов. Определил линию фронта и пока обстановку не обостряет. Судя по радиоперехватам, между штабом группы «Центр» и Берлином идет жаркая полемика по вопросу, что делать: оставить пехотное прикрытие вокруг особой зоны и продолжать наступление на Москву или бросить все силы на ликвидацию остатков армии Рокоссовского и уже после продолжить наступление.

– А вы как считаете? Какой вариант действий они изберут?

– Генштаб пришел к выводу, что немцы продолжают наступление. Тому есть две существенных причины.

Первая. Весь план войны против СССР строился на стратегии молниеносной войны. Как мы видим и знаем, фактически в обеих реальностях он потерпел крах. Но Гитлер с этим согласиться не желает и еще надеется на победоносное завершение войны взятием Москвы. Пример Наполеона его ничему не научил.

Вторая. Немецкое командование и тогда, и сейчас не смогло выявить концентрацию советских войск для контрудара. Поэтому считает, что почти все боеспособные соединения РККА на Московском направлении сейчас находятся в лесах под Вязьмой.

Жуков, как никто другой, умеет организовывать скрытое накопление резервов на направлениях планируемых ударов.

Итак, наступление они продолжают, оставив часть сил для блокады района. Поставят минные поля, закопаются в землю и приготовятся к обороне, как это умеют немцы образца сорок первого года. Однако Генштаб предполагает, что для перегруппировки и пополнения сил и для подготовки матчасти им потребуется оперативная пауза не менее чем в две недели. Потери под Вязьмой они понесли существенные, и их сейчас приходится восполнять за счет резервов из Европы. Есть вариант, но Генштаб считает его маловероятным – переброска первой танковой группы с южного направления.

Двадцатая армия. Штаб армии и дивизий интенсивно учился все это время, и пока они находятся в Особом районе, мы продолжаем оказывать им методическую и техническую помощь в организации подготовки и обучения войск. Оружием и техникой дивизии оснащаются согласно штату. Вопросы снабжения войск и гражданского населения всеми видами довольствия решаются в текущем порядке. Технология уже отработана.

Западный фронт генерала Жукова. Левый фланг – Малоярославецкое направление – Тридцать третья армия в составе пяти стрелковых дивизий. Основа обороны – триста двадцатая дивизия. Остальные дивизии – бывшие ополченческие, однако по меркам этого

момента достаточно многочисленные. Возможно, сделаю некорректное замечание: отступали столь быстро, что немцы не успели их разгромить. Командующий – генерал-майор Вишнеvский, бывший командарм Тридцать второй армии. Сталин учел информацию, полученную от нас, и характеристику Жукова генералу Ефремову, и действительно отправил того командовать тыловым округом. Ну, будем посмотреть, как проявит себя Вишнеvский. В известной нам истории он проявить себя не успел. Попал в плен под Вязьмой.

В центре, вдоль Минского шоссе на позициях Можайского укрепрайона, обороняются тридцать вторая, сто тридцать третья и семьдесят восьмая стрелковые дивизии, входящие в состав Пятой армии генерала Говорова. Хочу подчеркнуть: тридцать вторая, сто тридцать третья, семьдесят восьмая стрелковые дивизии – кадровые, сформированные по довоенным штатам, по четырнадцать тысяч личного состава, и укомплектованные двумя артполками. У Говорова неплохо получалось и в первый раз – доверили и сейчас. Армия имеет на сегодняшний день наибольшее количество танковых бригад – пять. С учетом укреплений Можайского рубежа сомнительно, что противник сможет сейчас сдвинуть эту армию с места.

Правый фланг. Волоколамское шоссе защищает не Шестнадцатая армия Рокоссовского, как вы понимаете, а Девятнадцатая Лукина. С укреплениями у него так же плохо, как и было, однако время, выигранное Рокоссовским в боях за Вязьму, положительно сказалось на подготовке позиций. В составе армии Лукина три стрелковых дивизии, кавгруппа Доватора и танковая бригада Катукoва, плюс шесть артполков. То есть, несмотря на откровенно незначительное количество дивизий на фронте – всего одиннадцать, силу они представляют собой немалую. И в той истории вермахт не смог решить задачу взятия Москвы. Сейчас же, после потерь под Вязьмой и, самое главное, потери времени и темпа, это задача становится для гитлеровцев практически нерешаемой. Но тем не менее – они попытаются.

Прогноз Генштаба: противник не сможет преодолеть оборону советских войск, и в контрнаступление Западный фронт перейдет с рубежа Волоколамск – Можайск – Наро-Фоминск. Что значительно повышает шансы уже зимой соединить Особый район с Большой землей.

Теперь что касается запросов Советского правительства. СССР приобрел небольшие установочные партии легкого и тяжелого стрелкового оружия 40-х годов под стандартные патроны их времени. Технологии производства АК-47, СКС и патрона под них отложены на послевоенное время. Что логично. Но самый большой интерес вызывают средства связи. Весь спектр – от радиостанций, устанавливаемых на танках и самолетах, до фронтовых узлов связи. И мы способны удовлетворить спрос. На складах после сокращения советских Вооруженных сил этого имущества огромное количество. И в связи с переходом с аналоговой связи на цифровую вся эта техника нам уже не нужна.

Артиллерия. За исключением вооружения нами Двадцатой армии, СССР в артиллерии не нуждается. Готовы закупать порох и в больших объемах, но это возможно только после деблокады Особого района.

По танкам. Они продолжают выпускать Т-34, внося изменения на основе технологий Т-34-85, который, возможно, пойдет в серию с лета 1942 года, учитывая планируемый немцами выпуск танка Т-4 с 75-мм длинноствольной пушкой.

По авиации аналогично. Интенсивно доводят до ума двигатели. Заинтересовались пушками МиГ-17, которые остались у нас на складах длительного хранения. Сейчас планируем оснастить ими дивизию Захарова. Кстати, группа авиаконструкторов, которые находятся у нас с визитом, сформулировала запрос на приобретение чертежей самолетов и вертолетов первого послевоенного поколения и, если есть возможность, – экземпляров. Готовы купить их в любом техническом состоянии.

Чертежи собираем по всем архивам, а вот по реальной технике нужно ваше решение.

– А у нас имеется такая техника?

– Летающей – нет. На постаментах и в Монино есть. Однако группа Ракутина, оказывается, не лаптем тут щи хлебает. Освоили компьютеры и нарыли информацию, что такая техника имеется в Северной Корее и Албании. Я проверил – это действительно так. В Корее, понятно, есть, но дороговато. Албанцы, вступив в НАТО, распродают старую советскую технику гораздо дешевле. Но все равно это деньги.

– Ну, деньги, я так понял, нам возместят. И даже с комиссионными за хлопоты. Поэтому – покупайте. Не напрямую, естественно, а под крышей любителей летающих раритетов. Да, кстати, пока не забыл. Вы помните, что скоро Седьмое ноября? Сергей Викторович, подготовьте поздравления от Российской Федерации. Я подпишу.

– Будет сделано, Владимир Владимирович! И по моему ведомству вопросик имеется.

– Хорошо! Дадим возможность Валерию Васильевичу закончить и тогда послушаем вас.

– Продолжаю. СССР готов купить дивизионный комплект техники и оружия послевоенного образца для дивизии НКВД охраны Особого района. К имеющимся трем полкам планируется сформировать танковый, зенитный и артиллерийский. Для этой дивизии они хотят приобрести Т-55, БМП-1 и БТР-60. Технику, что эти полки уже получили и получают, предполагается передать Двадцатой армии. Кроме дивизии НКВД, в Особом районе хотят разместить зенитно-ракетный полк С-125. Если принципиально мы согласны – готовы обсуждать цену.

– М-да... Appetit приходит во время еды. Сергей Кужугетович! А что ты с пустыми складами делать-то будешь?

– У нас есть, Владимир Владимирович, что туда поставить. К слову скажу, еще никогда Министерство обороны не получало столь существенной прибыли. Обычно все это переплавлялось в убыток себе из-за транспортных расходов.

– Ну, значит, не будем портить настроение министру обороны. Если нет возражений, готовьте договор. У вас все, Валерий Васильевич?

– Нет. Кроме этого, Ракутин попросил уточнить возможность закупки нами танков Т-34-85 в Северной Корее. Готовы оплатить и перевозку их с Дальнего Востока.

– Они у них есть?

– Думаю, к удивлению многих присутствующих, не только имеются, но и стоят до сих пор на вооружении. И в изрядном количестве. Мы через военного атташе негласно поинтересовались вариантами приобретения этих танков.

– И что же?

– Корейцы немало удивились нашему интересу, но с плохо скрываемым энтузиазмом согласились на эту сделку. В ходе переговоров мы смогли добиться следующих условий – мы поставляем со складов длительного хранения взамен «тридцатьчетверок» более современные танки. Из расчета: за один Т-55 они отдают два Т-34-85; за один Т-62 – три «тридцатьчетверки»; за Т-72 не модернизированный – пять штук. Они бы хотели получить и Т-72 последней модификации, но, во-первых, они нам и самим нужны, во-вторых, все мощности российских заводов сейчас заняты заказами нашего министерства. Корейцы сейчас рассматривают варианты модернизации этих танков в Белоруссии и в Китае.

– Так. Что там с суммами возможной сделки?

– Нам выгодно. Более чем. Ну, СССР тоже в накладе не остается. Даже с наценкой на доставку, Т-34-85 в несколько раз по эффективности превосходит любые английские и американские танки, относящиеся к средним. Плюс это свои же технологии, следовательно, с ремонтом и запчастями проблем не будет. Имеющиеся отличия Т-34-85 от тех «тридцатьчетверок», которые выпускаются в СССР сейчас, не критичны, и уже с момента передачи нами нескольких экземпляров и оставшейся документации работа над совершенствованием танка идет вовсю.

Для информации хочу сообщить, представитель союзников – все та же группа Ракутина – сейчас занимается определением номенклатуры техники и вооружения Шестнадцатой армии Рокоссовского. Штаб армии и штабы дивизий сейчас учатся. Но как только Западный фронт

соединится с Особым районом, немедленно начнет прибывать личный состав вновь формируемых дивизий. Мы предполагаем, что два-три месяца у нас в запасе есть. Вот тогда действительно мы полностью освободим склады длительного хранения не только от техники и вооружений времен Великой Отечественной, но и от первого послевоенного поколения. Вот теперь если у присутствующих нет вопросов, доклад закончил.

– А как эту операцию скрыть или замаскировать? Тысячи танков, сотни эшелонов? Есть мысли?

– Коррупция, Владимир Владимирович! Коррупция и только коррупция. Легенда: корейцы нашли способ обновить с нашей помощью танковый парк. Часть оплаты – металлолом в виде старых танков. И неожиданно эту тему стал разрабатывать сын одного из наших уважаемых людей. Не иначе, отец помог. Для этого в окрестностях Вязьмы строится металлургический завод. Не гигант, конечно, но за несколько лет этот объем металлолома он переплавить способен. Человек этот уже в курсе и роль свою сыграть согласен. Сумму договоренности с ним я вам передал в докладной записке, что перед вами.

– Ну, вчерне придумано неплохо. Позже я ознакомлюсь с деталями. Спасибо! Присаживайтесь! Сергей Викторович! Прошу!

– Получен запрос из Москвы на согласование личности посла СССР в Российской Федерации. М-да... Москва запрашивает агреман у Москвы.

– И кого нам предлагают союзники?

– Я бы хотел, чтобы вы лично прочли. Передайте президенту документ.

Путину передали бумаги, и на некоторое время за столом воцарилось молчание, прерываемое шепотом общавшихся.

– Хм... Не скажу, что неожиданный вариант, но интересный. Ранее, во время службы в Комитете госбезопасности, не пришлось пообщаться с председателем. Званием и должностью не вышел я на тот момент. Зато теперь представилась такая возможность.

Итак, господа и товарищи! Чрезвычайным и полномочным послом СССР в Российской Федерации назначен Юрий Владимирович Андропов. О чем сообщается в этом документе и там же запрашивается на это наше согласие. Какие будут мнения? Лично я согласен – человек нам известный. Прямо скажем, не чужой, препятствий не вижу. Голосовать будем, как в Политбюро, или так вопрос решим? Возражения есть? Я так и думал.

– А нас в СССР кто будет представлять?

– Есть молодой, перспективный...

– Останетесь после совещания. Есть мысль, и мы ее с вами обсудим. А пока продолжаем. Что у нас по науке?

Совещание продолжалось еще около часа, после чего в кабинете остались двое – Путин и Лавров, который пересел поближе к президенту.

– Владимир Владимирович, прошу прощения, я тут вспомнил одну дату, которую обязан вам сообщить. Двадцать первого декабря у Сталина день рождения.

– Напомните, сколько лет ему исполнится?

– Шестьдесят два года.

– Дата не круглая, но тем не менее следует поздравить. Я подумаю насчет подарка. Благодарю за своевременное напоминание.

Президент сделал пометку в своем блокноте.

– Возвращаясь к теме дипотношений. Я вот что думаю, Сергей Викторович. Раз Сталин подошел к вопросу назначения посла столь своеобразно, а я убежден, что предложение Андропова в качестве посла – именно его инициатива, призванная, с одной стороны, иметь влияние на нас, конкретно – на меня в большей степени, учитывая мое уважение к личности Юрия Владимировича. И здесь кроется второе – товарищ Сталин этим назначением подчеркивает, что разобрался с персоналиями в высшем эшелоне власти России. Хотя за такой срок

это и несложно. Поэтому вы молодого перспективного сотрудника, которого прочили в послы в СССР, поберегите для другой страны. Я предлагаю, с вашего же, конечно, согласия на эту должность вот этого человека...

7 ноября 1941 г.

Особый район

С прибытием в Особый район частей бывшей 16-й и началом формирования дивизий 20-й армии у Трофимова началась служба. Нет, и раньше, когда формировались танковые, артиллерийские, зенитные и специальные части и подразделения, он не сидел сложа руки в кабине, поплеывая в потолок и отдавая вечером перед уходом со службы своему столу команду «Смирно!» Политотдел 20-й армии работал и тогда, но все же количество личного состава добавилось в разы, и, соответственно, на столько же вырос объем работы. К тому же нужно все это умножить на неразбериху и суету, сопровождающую переформирование частей. В чем заключалась его служба? В оказании помощи – технической и методической – политотделу 20-й армии и политорганам ее дивизий и частей. Возникшая в самом начале мысль создать некое образование из политработников РККА и бывших политработников конца XX – начала XXI века, растаяла как утренний туман под натиском требований ГлавПУРА РККА. А конкретно, его руководителя – армейского комиссара 1-го ранга Мехлиса Льва Захаровича. Он был категорически против участия в политработе выходцев из буржуазной России. Да особо никто и не настаивал. Структуры, подобной быломu ГлавПУРа, в России давно уже не было, а значит, не было амбиций и людей, желающих отстаивать их. Поэтому поступили просто – за политическую работу отвечали политотделы 16-й и 20-й армий, а союзники из будущего помогали техникой и материалами, для чего при комендатуре Особого района был создан небольшой отделчик, состоявший из полутора десятков пенсионеров-политработников, еще помнивших, как расшифровывается аббревиатура ППР. За глаза отдел называли «домом престарелых», но обитатели отдела не обижались. Во-первых, потому что в каком-то смысле это была правда, а во-вторых – им было на это плевать. Они, как и Трофимов, были профессионалами своего дела, которое вот уже четверть века никому было не нужно. А тут внезапно появилась масса людей, нуждающихся в них и их умениях, пусть и с ограничениями. Смысл ограничений они понимали. Чтобы убеждать людей, нужно быть искренним и откровенным перед ними. И самому верить в то, в чем их убеждаешь. А вот с этим как раз было плохо. Не вычеркнуть из памяти 91-й год, предательства страны и народа верхушкой партии, национализма окраин и всего того дерьма, через которое страна прошла за эти четверть века. Даже если стараться не говорить об этом, все равно это прорывалось. Дискуссии между отставными ветеранами и молодыми и задорными политруками заканчивались, как правило, ничем. И хотя у каждой из сторон была своя правда, общего между ними было больше. И общим было дело, которому они служили. Одно было плохо. Трофимов, конечно, понимал, что то, чем он сейчас занимается, – важное и нужное дело. Что люди, уже неделями и месяцами не выходившие из боев, уже настолько привыкшие к окружившей их смерти, что уже равнодушно относящиеся и к своей собственной судьбе, как никто другой нуждаются именно в том, чем и занимались Трофимов и его товарищи. Возможно, у многих эта переформировка была первым периодом, когда смерть от них отступила, и они смогли увидеть жизнь вне ее власти. Все это так! Однако каждый раз, когда он напрямую сталкивался с этими людьми, где-то в глубине души он чувствовал свою неполноценность – стыд и вину за то, что он – не они. Он не такой, как они. Будучи при том офицером. И вот самому себе он врать не хотел. Так оно и было. Они – красноармейцы и командиры, а он – просто человек, носящий военную форму. Произносить в мыслях «тыловая крыса» в отношении самого себя было унижительно. И эти чувства – стыда и вины – росли в нем.

Революционный праздник 7 Ноября добавил забот для всех, в том числе и для их отдела. У штабов дивизий поставили большие экраны, на которые шла онлайн трансляция мероприя-

тий в Москве. Из подразделений для просмотра прибыли заранее назначенные делегаты. Как правило, это были лучшие бойцы. Кроме этого, у штабов дивизий вообще было многолюдно. Вовсю шло формирование подразделений. Треть всего личного состава сейчас участвовала в этом процессе. Остальные две трети занимали позиции на линии фронта Особого района. Переформированные по новому штату, пополненные полки и батальоны убывали на полигоны, где в ходе ускоренных учений проводилось сколачивание подразделений и освоение оружия и техники. После этого они должны были сменить на фронте тех, кто обеспечил им эту возможность. А ведь еще были гражданские, которых комендатура района размещала в и так переполненных деревнях, ставила на довольствие и обеспечивала их, а также, по возможности и необходимости, привлекала к работам. В общем, весь Особый район с прибытием почти сотни тысяч бойцов начал походить на огромный муравейник, где штабы дивизий стали эпицентрами активности.

Трофимов помог молодому политруку запустить трансляцию военного парада с Красной площади и пошел «в народ». Свои обязанности он выполнил. Красная площадь, Кремль, мавзолей Ленина и Сталин на нем, техника и парадные коробки бойцов в зимних полушубках и шинелях в цифровом качестве на огромном экране смотрелись очень неплохо. На его взгляд. А красноармейцы и командиры не дышали, когда взятый оператор крупным планом Сталин с трибуны обращался к ним, ко всем и каждому отдельно. Фраза Ленина «кино – самое важное из искусств» подтверждалась буквально.

По окончании парада после паузы началась трансляция праздничного концерта. Звучали и известные песни, и, как заметил Трофимов, появились среди них и новые, попавшие сюда через Портал.

Среди массы бойцов и командиров на площади внимание Трофимова привлекла группа одетых непривычно бойцов. Одеты они были все по-разному – кто в шинели, кто уже в ватниках. Но у всех был одинаковый головной убор – кубанки. И все давно не юноши. Осмотрев их, Трофимов пришел к выводу, что они еще не распределены в новые подразделения, но вот откуда тут казаки? Поразмыслив и не найдя логического объяснения, Трофимов отправился к ним.

– Здравствуйтесь товарищи! – поздоровался он, подойдя к группе и обратив на себя их внимание.

– Здравия желаем, товарищ... – ответил за всех самый пожилой из казаков, замывшись с определением звания Трофимова.

– Майор! Мое звание майор, – подсказал Трофимов. – А не расскажете мне, откуда тут появились казаки?

– А можно взглянуть на ваши документики?

– Отчего же? Пожалуйста! – Трофимов достал и раскрыл свои документы, специально сделанные для офицеров комендатуры Особого района. – Вот! Я не шпион. Шпионы еще не доросли до такого уровня. Так не разъясните мне, как вы тут оказались? Я что-то не помню в составе войск, отошедших к Вязьме, казачьих подразделений. И всего-то одна сорок пятая кавдивизия была, но она простая кавалерийская. Вопрос не по службе, чисто из интереса, можно без официальности. Сами видите, я вам не командир.

Не прерывая речи, Трофимов достал пачку сигарет и пачку папирос – на выбор. Сам не курил, но знал, что на войне курящих большинство и предложить закурить при встрече практически правило хорошего тона.

Бойцы разобрали предложенное по вкусу и тут же закурили. Старший, попробовав сигарету, посмотрел на нее, хмыкнул и ответил:

– А мы не из сорок пятой. Мы из пятьдесят третьей, комбрига Мельника.

– О как! Как же вы под Вязьмой оказались? Насколько мне помнится, вы ж где-то на правом фланге были. В районе Белого.

– Именно так! Дивизия получила задачу оборонять Белый. Прибыли в город, заняли оборону. Город, к слову, только им называется. Даже не Вязьма. Так вот, заняли оборону, а на юго-западе от города, в районе дороги на Духовщину, гремит, и гремит серьезно. Связи нет. Что там и кто там – неизвестно. Вот и отправили наш взвод в разведку, выяснить обстановку ну и связь установить. С немцем же кто-то там воюет! Я, как взводный, – старший.

Пошли мы по дороге. Все как положено, передовой дозор впереди. Десяти верст не прошли – наткнулись на немцев. Погиб бы дозор – в засаду попал. Только из леска слева от дороги по немцам ударил «дегтярь», предупреждая дозорных о засаде. Немцы открылись, ответив, дозор и ушел. Прискакали, доложились, а что мне докладывать? Я даже название деревни, из которой дозор обстреляли, не знаю. Принял решение найти тех, кто там бой вел и спас моих казачков, и у них все разузнать. Ушли с дороги и перелесками двинулись в сторону места, откуда «дегтярь» стрелял. Нашли гильзы стреляные, еще теплые, и следы. Много следов. По ним и пошли. Догнали быстро. Остановили нас те самые пулеметчики, выручившие дозорных. Оказались они арьергардом остатков батальона двести пятидесятой стрелковой, бившимся с немцем в деревнях по дороге до Малых Клемятин. Дальше по дороге отходить не могли – раненых было много, а немец на дороге их догнал бы в два счета. Поэтому ушли с нее в леса. Это мне все капитан, командир батальона, растолковал и на карте показал. Обстановку я уяснил, и можно было возвращаться, но капитан чуть не взмолился: «Взводный! У тебя почти два десятка лошадей и столько же бойцов. Причем не салажата вы восемнадцатилетние – пороху уже понюхали, не в этой войне, так ранее. А у меня раненых больше, чем здоровых. Не уйти нам от немцев. Помоги! Хоть оторваться. Тяжелых на лошадей приспособим – все быстрее будет, чем носилки нести. Да и нести особо некому – все почти ранены в той или иной степени».

Это он правду говорил. Почти все перевязанные были. Да и у него бинт на лбу кровью напитался. Написал я донесение и отправил дозорных, как самых молодых, к командиру, а сам решил помочь капитану уйти как можно дальше до темноты. Помогли! А вот уже пробиться к дивизии не смогли. Так и шли с этим батальоном. Потом наткнулись на части двести сорок второй стрелковой дивизии. И вместе с ней вышли на Хмелитский рубеж. Воевали там. Потом, когда все понемногу образовалось, приписали нас к сорок пятой кавдивизии. Воевали уже в ее составе. А сейчас вот ждем, куда нас дальше определят.

– Да, помотало вас. Ну, главное, живы! А чего такие сумрачные?

– Переформирование – это такое дело... Кавалерийских подразделений, как мы слышали, в Двадцатой армии нет. А значит, могут нас раскидать кого куда. А не хотелось бы. Земляки мы все. Да и уже сподручней нам вместе воевать.

– Ну, тут я помочь не могу. Но вот поправить настроение – это в моих силах. Как-никак, я – замполит. Вы тут постоитте. Я вам концерт организую. Так сказать, по заявкам.

И Трофимов двинулся к машине, обеспечивающей трансляцию концерта.

– А ну-ка, политрук, подвинься, дай замполиту место, – обратился он к коллеге, пившему чай из граненого стакана в типичном железнодорожном подстаканнике. Заварка была в пакетиках. Это был вклад Трофимова в совместный быт с политруком. Достал свой ноут и подключил его к питанию и пульту. Подождав, когда он запустится, нашел нужную ему папку и, улучив паузу в концерте, остановил трансляцию. После чего через громкую связь обратился к собравшимся:

– А сейчас по заявкам казаков пятьдесят третьей кавалерийской дивизии песня в исполнении Государственного академического Кубанского казачьего хора. Слушаем!

И включил запись концерта вместе с видеорядом. Первой шла песня «Не для меня придет весна», причем Трофимов взял версию, где солист Виктор Сорокин был в форме с погонами на плечах и красной звездочкой на кубанке. Так было правильной, на его взгляд. Следующей была песня «Когда мы были на войне», и далее – «Каким ты был, таким остался». После этого Трофимов поставил Пелагею, а именно «Под ракитою» – вариант с «Голоса», потом «Ой, да

не вечер». Тут в тему хор с песней «Ах ты, степь широкая». И перешел на «Любэ», начав с «Коня», и следом весь их цикл песен о России.

– Ну, товарищ майор, нагорит нам! Этого нет в списке.

– Молчи! – Трофимов погрозил испуганному юноше кулаком. – Ничего не трогать! Вали все на меня.

И вышел из машины. На площади перед экраном никто уже никуда не спешил. Народу изрядно прибавилось. Судя по количеству старших командиров в районе штаба дивизии, весь штаб был тут.

Он пробился через толпу к казакам.

– Спасибо вам, товарищ майор! – встретил его взводный. – Такого подарка мы и не ждали. Как дома побывали. Теперь воевать легче будет.

– Не за что! Как там в песне, «Нам песня строить и жить помогает!» Это как раз тот случай.

Тут его окликнул какой-то лейтенант:

– Товарищ майор! Вас командир дивизии просит подойти!

– Ну, раз просит – подойдем! Бывайте, товарищи казаки! Может, и свидимся еще.

Лейтенант подвел Трофимова и, доложившись, отступил в сторону. На майора с интересом смотрел молодой относительно него полковник со звездой Героя Советского Союза на груди.

«Михайлов! – вспомнил Трофимов комдива. – Героя за Халхин-Гол получил. Самый перспективный комдив у Ершакова».

За плечом комдива стоял комиссар дивизии. Трофимов помнил его по сборам, проводимым их отделом с политработниками дивизий. Фамилию не вспомнил.

Трофимов представился.

– Интересную программу вы составили, товарищ майор. Женщины, что пели, – просто огонь! А комиссар мой говорит, песни не из утвержденного списка.

– Так точно, товарищ полковник! Это из моей личной библиотеки.

– А чем вас не устраивает утвержденный список?

– Меня он устраивает полностью. Там тоже прекрасные песни. Просто тут случай такой приключился...

И Трофимов рассказал о знакомстве с казаками.

– Ну, вот я и решил искусство немного конкретизировать.

– Вы не имели на это права без согласования! – влез комиссар.

– Не имел, но сделал, потому как считал это правильным.

– Мною будет доложено о вашем самоуправстве в политотдел армии.

– Не имею возможности этому воспрепятствовать. Это ваше право.

– И все же людям понравилось! Смотри, комиссар, как слушают! И смотрят! – прервал перепалку Трофимова с комиссаром дивизии Михайлов. – А есть что-то еще на эту же тему из вашего времени?

– Есть. Но не уверен, что это понравится.

– Кому? Людям или моему комиссару?

– Товарищу комиссару. Да и людям, возможно. Есть вещи слишком, даже на мой взгляд, необычные для этого времени. Все же разница в годах немаленькая.

– Ничего, комиссар стерпит. Не правда ли? Люди сами решат – нравится им или нет.

Под его взглядом комиссар опустил глаза и промолчал.

«Да! Звезда Героя Советского Союза рулит!» – отметил про себя Трофимов.

– Давай, поставь что-нибудь еще! Мы посмотрим.

Трофимов, вернувшись в кунг, под заинтересованным взглядом политрука полистал свою папку в ноуте с подбором музыки. Кое-что тут было. Тот же Константин Кинчев с раз-

ными вариантами «Неба славян». Выбрал с клипом из фильма «Брестская крепость». Добавил «Кукушку» Полины Гагариной с клипом «Битвы за Севастополь». «От героев былых времен» взял версию с цветными фотографиями солдат и офицеров. Лично ему эта песня больше нравилась в исполнении Михаила Ножкина, но там видеоряд в конце не подходил. Далее «По полю танки грохотали» из любимого фильма Трофимова «На войне как на войне». Критически оценив выведенный список, нажал значок «воспроизвести» и вышел наружу.

С трудом продрался через толпу к Михайлову. Народ неотрывно смотрел на экран. На взгляд Трофимова, люди даже не воспринимали музыку и слова песни Кинчева. Их захватила картина неистовой ярости и беспредельного мужества, с которыми в первые же часы войны умирали их боевые товарищи в Брестской крепости. Когда прошли последние кадры и смолкли аккорды песни, толпа загудела, послышались крики: «Повторить! Еще раз!», но тут пошли первые кадры «Битвы за Севастополь», и крики стихли.

– Сильно! – прокомментировал клипы Михайлов. – Это правда или художественный вымысел?

– Клипы? То есть так называемый видеоряд к музыке? Первый – это кадры фильма «Брестская крепость». Фильм, естественно, художественный, но тут показаны реальные события, дошедшие до нас от очевидцев. Второй – в большей степени художественный, но также основан на реальных событиях.

– А посмотреть фильмы можно?

– Почему нет? Только в списках разрешенных к показу этих фильмов нет. И товарищ комиссар наверняка будет против.

Трофимов пристально посмотрел на комиссара дивизии.

– А товарищ комиссар против не будет! – Михайлов приобнял комиссара за плечо и испытующе заглянул тому в глаза.

– Черт с вами! Смотрите! – ответил тот нехотя.

– Не-не, Иван Степанович, так не пойдет! – не дал комиссару отмолчаться Михайлов. – Кто у нас комиссар? Правильно, ты! Поэтому тебе и организовывать мероприятие. Как насчет сегодня вечером? Скажем... после двадцати ноль-ноль?

Тот без энтузиазма пожал плечами, как бы говоря: «Ну что ты будешь делать? Приходится подчиняться», и ответил:

– Будем организовывать!

– Как у нас говорят: «Если офицеры выпивают – это пьянка. Если с ними там присутствует замполит – это мероприятие!» Что касается меня – буду! В отделе скажу, что задержусь в вашей дивизии, – поддержал Трофимов.

– Ну, майор, тогда до вечера! Смотри, не опаздывай.

– Я не опоздун! – ответил Трофимов и принялся протискиваться сквозь толпу к машине.

До назначенного времени Трофимов доделал все запланированные на сегодня дела, сходил на другую сторону Портала и позвонил жене, предупредив ее, что остается сегодня на дежурство. Подумав, заглянул в местный военторг и купил литр коньяка. Постоял немного и докупил лимонов к нему, прикинув, что закуска будет скорей стандартная армейская – тушенка, а он предпочитал лимон. Хотя и от тушенки отказываться не собирался.

Без пяти минут восемь он стоял у дежурного по штабу 101-й мотострелковой дивизии, заряженный для проведения мероприятия. Все необходимое было загружено в рюкзак защитного цвета, который он купил на всякий случай, помня еще с курсантских лет недостатки стандартного армейского вещмешка. И наконец он пригодился. Штаб представлял собой двухэтажное стандартное модульное быстровозводимое здание, которые ставили военные строители из XXI века для войск 20-й армии. Дежурный по штабу был в курсе и, сразу как Трофимов представился, повел его на второй этаж. Этот вечер закончился за полночь.

7 ноября 1941 г.

г. Москва. Кремль

После проведения праздничных мероприятий, посвященных 24-й годовщине Великой Октябрьской революции, в кабинете Сталина собрались все из его ближайшего окружения. Сталин, нарушая инструкцию, чуть отодвинул светомаскировку и посмотрел на Москву. Весь день шедший снег немного осветлил угрюмо скрывшийся под светомаскировкой город, накрытый чернотой осенней ночи. Однако этот вид не смог перебороть ощущения праздника. Удавшегося праздника! Наперекор врагу, стоявшему на пороге, сегодня состоялся парад на Красной площади. Только, в отличие от истории потомков или союзников – ученые еще не пришли к единому мнению, – Сталин принимал этот парад, стоя на мавзолее. И это снималось на пленку не только нашими, но и зарубежными корреспондентами. А по площади шли войска, прибывшие на защиту столицы. И никто не смог этому помешать. И заслуга в этом не только погоды и не только союзников, обеспечивших СССР совершенной техникой, но и бойцов и командиров Красной Армии и Воздушного флота, осваивающих и освоивших эту технику. И это давало уверенность том, что наступит Победа гораздо раньше, чем в истории союзников. И этот положительный настрой не могла перебить осенняя ночь.

За спиной шумели соратники, расслабившись после третьей – у кого рюмки, у кого бокала вина или чего-то покрепче – каждый решал сам. На столе, за которым обычно собирались совещания, лежала дежурная скатерть, постеленная секретарем, и стояли холодные закуски из столовой, перемежаемые бутылками различных напитков. Сталин аккуратно вернул плотную ткань светомаскировки на место и повернулся к собравшимся. Раскурив трубку, неторопливо подошел к о чем-то беседовавшим Молотову и Ворошилову.

– Вячеслав! О чем ты хотел еще сообщить, кроме поздравления от Путина?

– Кроме поздравления, пришли еще сообщения. Кандидатуру Андропова Россия согласовала. Одновременно пришел запрос на кандидатуру их посла к нам.

– Интересно! И кто же это? Может, он нам знаком?

– Отчасти, Коба!

Старой партийной кличкой называть Сталина могли только близкие друзья, но и они этим не злоупотребляли. Поэтому, услышав ее, Сталин понял, что Молотов взволнован.

– И кто же это?

– Мой внук. Никонов Вячеслав Алексеевич.

Сталин вынул трубку изо рта и неожиданно негромко рассмеялся. Разговоры смолкли, и все недоуменно и с интересом повернулись к Сталину. Отсмеявшись и заметив общий интерес, Сталин посоветовал Молотову:

– Объяви эту новость товарищам!

Молотов смутился, но встал и объявил:

– Руководство Российской Федерации предлагает нам утвердить в качестве посла Никонова Вячеслава Алексеевича!

Помешкав и поняв, что эти имя и фамилия ничего не говорят присутствующим, добавил:

– Моего внука!

Кто-то, вторя Сталину, коротко засмеялся, но основная масса присутствующих не поняла причину смеха Сталина и не знала, как себя вести.

Сталин, услышав смешки, сразу же пресек их.

– Я смеялся не над кандидатурой посла России к нам. И тем более не над внуком товарища Молотова. Поясню. Мы предложили президенту Путину в качестве нашего посла его бывшего начальника товарища Андропова. Этакий провокационный в некоторой степени ход. А тот ответил нам кандидатурой внука нашего наркома иностранных дел товарища Молотова. Я нахожу этот ответ в достаточной степени остроумным и изящным. Один – один! Давайте выпьем за наших новых послов!

Через несколько минут Сталин повторно окликнул Молотова.

– Есть еще что-нибудь из России?

– Докладная от Ракутина.

– Почему молчишь? Я должен выпрашивать? – Сталин недовольно нахмурился.

– Она как бы не к обстановке... – Молотов обвел рукой окружающее.

– У нас обстановка простая – война! А Ракутин – генерал, и если что пишет, то это точно не любовные письма. Давай докладную!

Молотов полез в портфель и протянул Сталину запечатанный конверт.

Сталин вскрыл конверт и, отойдя к окну, развернул компьютерную распечатку.

Прочитав, задумался, прохаживаясь по дорожке, потом негромко, но его услышали все, сказал:

– Прошу внимания! Получено сообщение от товарища Ракутина. Зачитывать не буду. Перечислю коротко основные мысли. На днях состоялось заседание российского руководства по нашим запросам. Генерал, естественно, там не присутствовал, но вчера его к себе пригласил начальник Генерального Штаба. Он и сообщил о решениях, принятых там. Итак:

1. Наш запрос на оснащение дивизии НКВД, охраняющей Портал, их послевоенной техникой одобрен. Более того, поставки оружия и техники начнутся буквально на днях. Цены прежние. Нам верят, поэтому все это идет авансом. Обучение управлению и обслуживанию техники будет проводиться в процессе и на месте.

2. В качестве ПВО объекта нам предложен тоже послевоенный комплекс С-125 «Печора». Полковой комплект. Пояснение Ракутина – комплекс неоднократно модернизировался и до сих пор используется в системах ПВО третьего мира. То есть он недорог и прост. Прошел боевую проверку во время Вьетнамской войны. Эффективность комплекса в условиях нашего времени более чем достаточная. Особенно если ракетные комплексы дополнить малокалиберной ствольной артиллерией. Нам предлагают вариант, который мы сможем самостоятельно повторить через несколько лет.

3. По танкам. Запас России по средним танкам времен войны исчерпан. Однако найден вариант закупки Т-34-85. Это Северная Корея. У них на вооружении и в резерве находится три с половиной тысячи «тридцатьчетверок». На укомплектование Шестнадцатой армии хватит с запасом. Но быстро перебросить такое количество незаметно очень трудно. Требуется не менее полугод. Но можно за один-два месяца, но затратно. Железная дорога Сибирь – Дальний Восток уже сейчас перегружена, а для переброски такого количества танков потребуются не менее сорока эшелонов. Поэтому, если руководство СССР настаивает на сроке начала поставок танков через месяц и окончании через два, Российская Федерация вынуждена поднять цену на двадцать процентов.

– Буржуи! – буркнул Сталин, прервавшись. – Товарищ Вознесенский! Оправдано ли такое повышение цены? Стоит овчинка выделки?

– По срокам, насколько быстро эти танки нужны, товарищ Сталин, не мне судить. Но по качеству, по отзывам товарищей из ГАБТУ, в сравнении с Т-34-85, английская и американская техника – просто металлом. Дорогой, я бы сказал, металлолом.

– Буржуи! – повторил Сталин. И добавил: – Но танки нужно брать. Кстати, первое задание товарищу Андропову: пусть уточнит возможность товарного кредита или рассрочек по оплате. Даже их заклятые друзья американцы, и те по ленд-лизу предлагают вполне приемлемые условия.

И вопрос товарищу Шапошникову. Борис Михайлович! Судя по тексту сообщения, у товарища Герасимова уже имеется предварительная структура Шестнадцатой армии. Вы со своим консультантом генералом Лобовым к какому заключению пришли по этому вопросу?

– Хотел доложить об этом завтра на совещании. Владимир Николаевич хорошо осведомлен о возможностях Министерства обороны Российской Федерации в части интересных

для нас резервов, поэтому мы пришли с ним к выводу о возможности формирования армии в составе трех корпусов – двух моторизованных и одного танкового. Каждый по три дивизии. Моторизованные корпуса – две мотострелковых дивизии и одна танковая. Танковый корпус наоборот – две танковых дивизии и одна мотострелковая. Все дивизии – шестиполковые, типичные для штата дивизий восьмидесятых годов. Кроме этого, планируется достаточно мощное усиление каждого корпуса.

– Да, вижу! Корпусной резерв предлагается в составе тяжелой танковой бригады прорыва. В скобках указан танк Т-10. Там же его технические данные. Так, это потом. Далее, артиллерийская бригада прорыва. Сноска – Россия готова продать некоторое количество самоходных 203-мм пушек «Пион». Для доукомплектования бригад орудиями до штатов предлагают использовать наши гаубицы Б-4, обеспечив их соответствующими тягачами.

Похоже, этих «Пионов» у них самих не так много. Надо обдумать.

Продолжаю. Бригада РСЗО – шестьдесят установок «Град». Минометный полк 160-мм минометов. Далее, понтонный парк, набор техники для инженерно-саперного полка.

Это нужно будет обсудить. Предложения на должности командиров корпусов?

– Генералы Лелюшенко, Руссиянов, пока еще полковник – Лизюков.

– Хорошо! Люди известные нам. Документы на присвоение звания Лизюкову подадите мне завтра. Продолжаю.

4. По автотранспорту. По укомплектовании Шестнадцатой армии – запас автотехники длительного хранения, который Россия имела возможность продать, заканчивается. Остаются два варианта. Первый – покупать их современную технику, но она будет значительно дороже. И второй – нам предлагается купить оборудование автозавода ЗиЛ. В кавычках пояснение Ракутина: это бывший ЗиС, он же АМО. В современной России завод обанкрочен и не существует. Нам предлагается купить оставшееся от него оборудование, на котором можно выпускать вездеходы ЗиЛ-131 и грузовики-пятитонники ЗиЛ-130.

На мой взгляд, интересное предложение. Нужно обсудить цену и комплектность оборудования. Эти машины я уже видел. Но это вопрос перспективы, а машины нужны уже сейчас. Нужно обдумать в том числе вариант закупки современных российских автомобилей. И принять решение в ближайшее время. Думается мне, эти машины еще нужно будет сделать.

5. Средства связи. В связи с переходом Вооруженных сил России на цифровую связь, снятые комплекты аналоговой связи имеются в значительном количестве и могут быть проданы СССР в соответствии с запрашиваемой номенклатурой. Автотехника, на которой смонтированы радиосредства, идет в комплекте.

Вот это очень хорошо! Это очень важно!

5. Авиация. Достигнута договоренность с КНДР о продаже и обмене ряда интересующих нас экземпляров реактивных самолетов и вертолетов первого поколения. Но количество исчисляется единицами ввиду высокой цены, объявленной корейской стороной. Они готовы менять свои давно устаревшие машины на современные российские в соотношении один к одному. Этим и определяется высокая цена. Формально мы покупаем устаревшие самолеты, а фактически платим за современные.

Сталин раздраженно махнул бумагой.

– Хотелось бы современные, но даже один самолет тянет за собой такие расходы на обслуживание, что действительно становится золотым. Придется покупать буквально всю инфраструктуру обеспечения.

Из этого сообщения я делаю два вывода. Первый: товарищ Ракутин понимает трудности Родины и хорошо работает на порученном ему участке. Второй: прав был тот человек из Средневековья, сказавший, что для войны нужны три вещи – деньги, деньги и еще раз деньги! Для нас, большевиков, деньги, как известно, не цель, а средство. В данном случае средство умень-

шения проливаемой нашими людьми крови и сохранения жизней советских людей. Поэтому мы заплатим эти деньги.

Лаврентий! Вот товарищ Ракутин только что в очередной раз доказал, что не зря ест генеральский хлеб с маслом, а что в буржуазной России делает твой человек? Как его там...

– Майор Воистинов, товарищ Сталин! Как и положено, работа органов не столь зрима, но она существенна. Конкретно по работе Воистинова: вопрос с предателями Родины закрыт. Сейчас товарищ Воистинов занимается укреплением материальной базы нашей науки. Вычислительный центр, созданный с помощью и на оборудовании союзников, работает круглосуточно. Наши ученые и конструкторы, допущенные к его возможностям, практически живут там. По запросам товарища Воистинова союзники по каналам связи перекачивают гигантские объемы информации. Даже если по какой-то причине Портал закроется, мы уже стали обладателями огромного массива знаний. И в данный момент успешно перерабатываем их, применяя к нашей действительности. Кроме этого, он закупает у союзников спецоборудование для наркомата.

– Хорошо! Как там поживает товарищ Хрущев на Чукотке? Вы там за ним присматривайте, а то он или оленеводов поднимет на мировую революцию, или признает их всех врагами народа. Оба варианта нас не устраивают.

– Органы контролируют ситуацию, товарищ Сталин.

10 ноября 1941 г.

Особый район

История с увольнительной для Степана имела продолжение. Едва он успел после беседы в особом отделе появиться в расположении роты, как тут же был вызван к комбату.

Тот хмуро кивнул в ответ на приветствие и коротко обозначил причину вызова:

– Иди к комполка!

Пришел, доложился полковнику Репринцеву. Тот вышел из-за стола, поздоровался с ним и закурил, прохаживаясь по кабинету. Гришин все так же стоял посреди комнаты.

– И что мне с тобой делать, Гришин? Все вроде правильно – разрешение у тебя имелось. Правда, подписано не мной, а комдивом, но он в своем праве. В этом-то и закавыка. По форме все правильно. А по факту – оставление части в военное время. Какие увольнительные могут быть? И особысты молчат. Что странно в нашем положении. В общем, так. Наказанием тебе будет то, что я вычеркнул тебя из списка на выдвижение на должность командира батальона. Хорошо хоть капитана успел получить до своей увольнительной. Что-то не вижу на твоём лице огорчения? Ты хоть бы изобразил его, а то стоишь и чуть не лыбишься, когда командир тебе выволочку делает. Неуважительно это по отношению к вышестоящему начальству. Ладно! Тебя сейчас хрен прошибешь!

Репринцев замолчал, затаиваясь, а Гришин поймал себя на мысли, что действительно улыбается. Быстро согнал улыбку с лица, сделав его серьезным и озабоченным.

– Как там?

– Не понял, товарищ полковник? Там – это с той стороны или в семье?

– Ну, начни, как там с той стороны.

– Хорошо там! Войны нет. Живут богато, хотя жалуется, что это не так.

– Ну, человек – такая скотина, быстро к хорошему привыкает и требует еще большего.

Как жена? Дети?

– Тоже хорошо!

Гришин вздохнул и продолжил:

– Только вот привыкнут там к той жизни – мультикам по телевизору, хорошим игрушкам, красивой одежде – трудно будет им в нашей жизни.

– Ничего, если эта дырка во времени не закроется, все тут будет. Посмотри, какие казармы строят! Парки для техники! Обещают полковые городки построить, как фронт с нами соединится. А дивизия наша теперь тут пожизненно будет Портал и Особый район охранять. Так что сам понимаешь. Ладно, иди служи!

– Слушаюсь!

И Степан вернулся в свою роту, где все уже знали, что ротный нашел жену, детей и даже побывал на той стороне, и по-хорошему завидовали. Особенно те, у кого родные остались под немцами.

Все пошло своим чередом – занятия по боевой и политической подготовке, наряды и караулы. Рота пополнялась до новых штатов, и Гришин лично распределял новых бойцов по взводам, стараясь не ослабить костяк ветеранов. Новички прибывали в основном из Пограничных войск южных, сибирских и дальневосточных округов. Они были уже знающими службу бойцами, но, естественно, не имели именно фронтового опыта. Все ожидали поступления новой техники. 87-й полк уже получил весь комплект БТРов, следующим на очереди был их 252-й полк. Неожиданно, в один день, у соседей забрали все бронетранспортеры и передали в одну из частей 20-й армии. Люди ничего не понимали. Слухи ходили самые разные – от скорого расформирования еще до конца не сформированной их дивизии и перевода полков снова в войска охраны тыла уже 20-й армии до версии передачи личного состава в состав формируемых мотострелковых дивизий все той же 20-й армии.

Но все разрешилось в течение нескольких дней. Прибыла новая техника. Новая – в смысле другая. Другие бронетранспортеры с закрытым сверху броней десантным отделением и башенкой с двумя пулеметами. БТР-60ПБ с противопулевой броней, на восьми колесах и плавающие. Подобные машины были и у союзников, но более новой модели. Союзники по поводу подобных машин особого пиетета не испытывали, но для красноармейцев, не знавших других транспортных средств круче «полуторки» и ЗиСа, вообще лишенных какой-либо защиты, и эта броня была праздником. Да еще БТР обладал таким серьезным аргументом поддержки отделения, как пулемет калибра 14,5 мм, способного озадачить любой немецкий танк, включая и Т-IV. Хотя последний можно было подбить из этого пулемета только в борт или корму.

Техника была явно с хранения, но это нисколько не расстроило людей. Рота в полном составе с энтузиазмом под руководством технарей союзников приводила ее в боевое состояние.

Техника прибывала эшелонами один за другим, и все три бывших полка охраны тыла в несколько дней стали мотострелковыми. Одновременно получили и новое оружие. Пришлось передать уже полюбившиеся ППСы и РПД армейцам и получить АКМ, РПК, ПКМы и СВД. Комполка передал командирам всех степеней, что в запасе у них недели две на освоение техники и оружия; что в любой момент по приказу Ставки дивизии 20-й армии перейдут в наступление и уже полкам их дивизии снова придется оборонять периметр Особого района. Поэтому все силы и все время должны быть брошены на самое главное – освоение оружия и техники.

Если в первую неделю после той увольнительной Степан еще сумел пару раз вырваться и увидеть Веру и даже один раз переночевал с ней в какой-то кладовой школы, то теперь времени на это попросту не осталось.

Вызов к комполка был крайне неожиданным и не сулил ничего хорошего. Степан шел в штаб и гадал о причине вызова, перебирая в памяти события последних дней. И уж совсем ему тревожно стало, когда он, войдя в кабинет комполка, увидел там Брацлавского – комиссара полка и начштаба подполковника Одовянова. Репринцев сидел на своем месте во главе стола, начштаба расположился слева за столом, а комиссар, глядя кошку, пристроился на диванчике у стены. Доложил о прибытии. Все трое внимательно и молча смотрели на него, как будто видели впервые. Только во взгляде комиссара читалась легкая улыбка, что обнадеживало. Хотя, возможно, это была реакция на активно мурлыкающую кошку. Пауза затянулась. Наконец Репринцев хмыкнул и неожиданно спросил ротного:

– Степан Антонович, ты же знаешь историю нашего полка?

– Так точно! Полк с началом войны был развернут на базе сто тридцать шестого отдельного батальона конвойных войск НКВД.

– Верно! Так вот, говоря языком контингента, который личный состав батальона и сопровождал, – фартовый ты, капитан! Ну сам посуди. Войну ты начал с первой же минуты, два раза выходил из окружений, пройдя пешком с западной границы до Смоленщины. Здесь воевал на самом горячем участке. Снова выжил, получил шпалу и орден. И все это за четыре месяца! Нашел семью. Побывал на той стороне!

Комполка, подняв палец, кивнул в сторону Портала.

– Продолжаю. За это мог иметь неприятности. Но! Новые друзья твоей жены на той стороне оказались людьми непростыми. Это мягко говоря. И не сочли затруднением замолвить за капитана Гришина словечко перед самым представителем Ставки, комиссаром государственной безопасности Цановой Лаврентием Фомичом! Казалось бы, уже явный перебор везения, однако нет! Как ты знаешь, на базе наших трех полков охраны тыла формируется мотострелковая дивизия, в штате которой имеется танковый полк, а в нем мотострелковый батальон, командиром которого был назначен очень заслуженный и хорошо известный в верхах майор. И он должен был прибыть к новому месту службы сегодня ночным самолетом. Но он же не знал, что в нашей дивизии и конкретно в двести пятьдесят втором полку есть человек, у которого Фарт – второе его имя. Поэтому уже на аэродроме в Москве майор поскальзывается и – бац! Двойной перелом ноги со смещением костей. Госпиталь на два месяца минимум. И то, наверно, еще с палочкой походить и после него придется. А война не ждет. О сроках ты в курсе. В общем, принимается решение срочно назначить комбатом самого опытного ротного. И таковым из трех полков оказался капитан Гришин. Что я там говорил несколько дней назад о вычеркивании тебя из списков на повышение должности? Забудь! Приказом по дивизии ты назначен на должность командира мотострелкового батальона танкового полка. Все документы уже отосланы. Тебе срок до вечера сдать дела и убыть к новому месту службы. Где танкисты стоят, знаешь?

– Так точно!

– Кого оставишь за себя?

– Командира второго взвода. Он справится.

– Это мы решим сами. А пока роту ему передай. И это... Не подкачай! Доверие нужно оправдывать. Прощаться не будем, не за линию фронта отправляешься. В одной дивизии служить будем, еще встретимся.

После этих слов командир протянул Степану руку на прощание. Следом поднялись со своих мест комиссар и начштаба. попрощались тепло, что-то говорили, Гришин в ответ благодарил, но был немного не в себе. Выйдя от комполка, на автомате дошел до своей палатки. Собрал нехитрый скарб, поместившийся в сидоре, и двинул в парк. Неизвестно откуда, но в роте уже все знали о новом назначении ротного. Через несколько минут вокруг Гришина собралась толпа. Степан шепнул командиру второго взвода, тот подал команду строиться, и через минуту рота стояла перед ним в двухшереножном строю. У Гришина комок встал в горле. В строю было много новичков, занявших места убитых и раненных в последних боях, но рядом с новичками стояли и те, с кем он пробивался из-под Бреста. Их было немного, всего лишь несколько человек, но за эти месяцы боев они стали частью его самого, а он – их частью. Побольше было тех, кто воевал рядом с ним уже в составе 252-го полка. И они уже успели стать практически его семьей. Расставался он сейчас не просто с прежним местом службы, а с частью самого себя и с родственниками. Обведя глазами строй, хриплым от волнения голосом он поблагодарил бойцов за службу и выразил уверенность, что они всегда могут положиться на него, а он на них, если судьба сведет их снова в бою. Рота дружно ответила. Объявил, что за командира роты пока остается командир второго взвода, и отправил роту продолжать регла-

ментные работы на технике. После этого ввел остающегося за него комвзвода-2 в курс дел и дал несколько коротких советов. Затем пожал тому руку и, закинув сидор на плечо, двинулся в расположение танкового полка.

Вечером Гришин после представления командиру полка прибыл в расположение своего батальона, который на этот момент состоял из нескольких десятков человек и шести больших армейских палаток, одна из которых была его новым домом и штабом одновременно. Расположившись за сбитым из плохо оструганных досок столом, он открыл штатное расписание батальона и вслух произнес:

– Ну, приступим! Что тут у нас? Итак, мотострелковый батальон на БМП. Э-э-э, что такое БМП? Где-то слышал. А, вот сноска: БМП-1 – гусеничная боевая машина пехоты... масса... экипаж... бронирование... вооружение... пушка «Гром»... 73-мм. Охренеть! Это ведь танк! Танк, способный перевозить под броней пехоту. Как у Васильева. Только на его машинах было по две пушки – 100-мм и 30-мм. Но и здесь... И еще плавающая машина! Вот почему новый командир полка говорил, что мой батальон – единственный такой во всей РККА. Сколько их в батальоне? Сорок две штуки. Ха-ха! Ну, фрицы! Только бы мне дали до вас добраться! Читаем дальше. Штаб – одиннадцать человек. Должности – вижу. Дальше... три мотострелковых роты, плюс минометная батарея – восемь БМ-37 – знаем! Пулеметный взвод – шесть ПКСМ... Зенитная батарея – четыре ЗПУ-4... Ого! Сила! Взвод связи, взвод обеспечения, медпункт.

Гришин откинулся назад, опершись на столб палатки, и закурил, задумчиво глядя куда-то вдаль.

– Ну, что, Степан Антонович? Будем соответствовать оказанному доверию, – наконец произнес он и, гася окурок, окликнул дежурного.

– Дежурный! Всех командиров, имеющих в батальоне, собрать сюда через пятнадцать минут!

Особый район.

Армейский госпиталь

Иван Колосов сидел на лавочке в коридоре госпиталя и, пряча волнение, мял папиросу. Вчера военно-врачебная комиссия признала его здоровым и годным к строевой службе. Более месяца провалялся он на койке, залечивая рану. И это еще быстро! Так утверждал врач, лечивший его. Благодаря медикаментам, оборудованию и методикам, переданным союзниками, стало возможным поставить его в строй так скоро. Он этого дня ждал с нетерпением. После того как Иван пошел на поправку, он с жадностью слушал рассказы находившихся вместе с ним на излечении раненых бойцов и командиров 16-й армии о боях под Вязьмой. Некоторым рассказам не верилось – слишком уж необычно это было. Например, что немецкая авиация боится бомбить наши войска в районе Вязьмы, что артиллерия стреляет как никогда точно. А уже под самый конец пошли рассказы про невиданные танки, наносившие контрудар, чтобы прикрыть отступление частей армии. Говорившие были не танкистами и вряд ли могли отличить БТ от Т-34, а Т-34 от КВ, поэтому этим рассказам он не доверял. А вот про немецкую авиацию Иван скорее верил, чем нет. Потому что самолеты, гудение моторов которых он слышал в небе и днем и ночью, были только свои. Ни разу в госпитале армии, находившейся в окружении, не объявляли воздушную тревогу. Что было крайне удивительно. За первые месяцы войны Иван привык к обратному – если в небе гудит мотор, то это летит немец.

И вот, наконец, он услышал от председателя комиссии слова «Годен к службе без ограничений!» Душа его возликовала! Может, и его БТ цел? Жаль, если это не так. Послужил ему танк верой и правдой. Но Иван согласен на любой танк. Лишь бы в бой!

И холодным душем его окатили слова представителя штаба 20-й армии: «Штаты танковых подразделений армии укомплектованы полностью. Есть даже небольшой резерв. Так что

пока только в запасный полк. Начнутся бои – наверняка найдется место. А пока придется обождать».

Иван вышел из кабинета как в воду опущенный. Всю ночь ворочался, просыпался, выходил курить, а утром собрал свои накопившиеся уже в госпитале вещички и пошел в строевую часть получать документы. Документы ему выдали, но сообщили, что ему нужно зайти в кабинет 23, где его ждут. Колосов не торопясь двинулся к указанному кабинету. Постучался, вошел. В кабинете находилось два человека. За столом сидел старший лейтенант с зелеными петлицами, а перед ним боец, так же, как и Иван, выписанный вчера из госпиталя. Не успел Колосов доложить, как старший лейтенант нетерпеливо его прервал:

– Обождите в коридоре!

Вот он сейчас и ждал, когда старший лейтенант, пограничник, освободится и можно будет зайти, гадая, зачем он, танкист, может понадобится пограничникам. В голову пришли два варианта. Первый – в полках охраны тыла могли иметься бронев автомобили. И Колосову этот вариант не нравился. Не хотелось с танка, пусть и не самого современного, пересаживаться на технику откровенно устаревшую. Даже японцев на Халхин-Голе бронев автомобили уже удивить не смогли. А уж немцев и подавно. Второй вариант был еще хуже: старший лейтенант – командир войск НКВД. А значит, мог быть из особого отдела. Правда, с Иваном, когда он более-менее оклемался, уже беседовал особист. Его интересовал эпизод прорыва экипажа Ивана из окружения. Тогда же ему отдали его личные вещи, сохраненные его спасителями.

Наконец дверь открылась, и в коридор вышел тот самый боец. Оглядев коридор, заметил Колосова на лавочке и направился к нему. Подойдя, козырнул и сообщил:

– Вас ждут, товарищ младший лейтенант!

Вошел, представился. Старший лейтенант кивком головы указал на освободившийся стул перед ним и, зажав в зубах папиросу, стал перекаладывать стопку лежащих перед ним папок, ища нужную.

Наконец нашел и, развязав тесемки, открыл ее.

– Итак, Иван Сидорович Колосов, младший лейтенант... Все так? – закончив читать биографическую справку, переспросил Ивана пограничник.

– Да! – подтвердил Колосов.

– Иван Сидорович! Предварительно на основании анкетных данных вам предлагается для дальнейшего прохождения службы танковый полк дивизии НКВД. Что вы скажете?

– А мое мнение имеет значение?

– Имеет. Это особая часть, и если вы категорически не согласны с назначением, никто неволить вас не будет. Можете в таком случае отправляться в резерв танковых экипажей армии и ждать своей очереди.

– Видите ли, я хочу на фронт, а войска НКВД, скорей всего, будут прикрывать тылы фронта. А я танкист! Держать меня в тылу – это неправильно.

– Ну, у вас довольно превратное представление о войсках НКВД. Вот, к примеру, для вас война когда началась?

– Наша армия прибыла на фронт в первых числах июля.

– А для меня и моих бойцов – на рассвете двадцать второго июня. И самое мощное оружие, с которым мы встретили врага, был пулемет «Максим». Но наша застава держала позицию трое суток. А было бы у нас что-нибудь мощнее, чем дедушка «Максим», мы бы продержались дольше и взяли бы больше жизней врагов. Вы не переживайте. Война только началась, и на вашу долю ее еще хватит.

Старший лейтенант лгал. Никто уже попавший в эту дивизию, скорей всего, на фронт не попадет. Их фронт будет здесь – охрана и оборона Особого района. Но лгал он искусно, даже сам верил в то, что говорил. Потому как задача была поставлена очень сложная – быстро укомплектовать формируемый танковый полк кадрами. Проверенными кадрами! И главное –

быстро. Потому что дивизии 20-й армии скоро уйдут, и оборона Особого района ляжет на дивизию НКВД, и иметь в ее составе хотя бы один ударный кулак жизненно необходимо. Понятно, в критической ситуации союзники введут свои части и выправят ситуацию, как это они сделали в самом начале. Но они крайне неохотно выделяют подразделения для непосредственного участия в боях, не желая нести потери среди личного состава. И по этой причине руководство старшего лейтенанта дало тому понять, что крайне желательно решать проблемы своими силами и за счет своих ресурсов. Быстрота в их деле, как правило, вела к ошибкам, которые карались жестко. Однако те же союзники значительно облегчили эту задачу, предоставив свои технические возможности.

Поэтому старший лейтенант с чистой совестью продолжил:

– К тому же вам предстоит пройти еще одну серьезную проверку, и вполне возможно, вы нам не подойдете. Согласны на проверку?

Колосов совсем приуныл. Что резерв, что проверка – это все не быстро.

– Как долго продлится это проверка? – уже для проформы поинтересовался Иван.

– Ну, дольше полутора часов ни разу не было.

Колосов удивился.

– Давайте тогда проверку.

Иван горестно вздохнул про себя: «Видно не открутиться от броневедомобиля!»

– Вот и хорошо! Значит, так. Вы пока погуляйте, а в семнадцать часов будьте у КПП госпиталя. Оттуда я вас всех отведу на проверку.

Старший лейтенант сделал надпись карандашом на папочке с фамилией Ивана и отложил ее в отдельную стопку. Колосов, взглянув на нее, оценил работу особиста: «Человек десять уже точно будут в этой группе со мной. Интересно, танкисты есть?»

Всего их к семнадцати часам набралось восемнадцать человек. Особист работал без перекуров и обеда. Не обедал и Колосов. Потому как был еще между небом и землей – не приписан ни к какой части. Народ собрался раньше указанного времени, потому что идти было попросту некуда. Все вокруг было забито частями, то и дело мимо госпиталя проходили комендантские патрули, проверяя поголовно у всех встречаемых документы. Хорошо хоть, во двор госпиталя не заглядывали. А с комендантом госпиталя особист вопрос о нахождении на его территории отобранных им людей решил. Среди таких же, как Иван, нашелся и танкист. Сержант Александр Спиридонов, механик-водитель танка Т-34 из 143-й бригады. Пока ждали, рассказали друг другу свои нехитрые истории. Это по штату Спиридонов был механик-водитель Т-34. А как сгорела его машина в боях северо-западнее Вязьмы, успел повоевать и на БТ-7, и на Т-26. На Т-26, последний танк их сводной группы, он попал как раз перед отступлением 16-й армии из Вязьмы. И надо же было так случиться, экипаж получал приказ на марш, когда рядом разорвался случайный снаряд. И из экипажа уцелел только он один. Не совсем уцелел, частично, потому как получил ранение. Но сейчас уже все позади. Опасения Ивана он искренне разделял, добавляя, что для него после Т-34 пересаживаться на что-то более древнее вообще как ножом по... Хотя в конце, поглядывая на Ивана, заявил, что и на Т-26 воевать можно, если командир с головой.

Особист был пунктуален. Ровно в семнадцать часов он появился у КПП с еще одним бойцом, по сидору на плече и бледному виду опознанным Иваном как такой же, как и они, выписанный из госпиталя и согласившийся на проверку.

Изобразив из группы подобие строя, старлей повел их к месту проведения проверки. Дошли минут за пятнадцать. Тут все было близко. Остановились у здания, типичного для союзников. Особист переговорил с вызванным начальником караула и, махнув рукой группе, разрешил войти. В коридоре он разделил группу на четыре части, назначив старших и назвав им номера дверей, где они должны пройти проверку. Сам возглавил группу, в которую попали Колосов и Спиридонов. Заглянув в дверь, старший лейтенант повернулся и произнес:

– Заходим по одному! По команде!

Колосов, бывший в образовавшейся очереди вторым, зашел в помещение минут через сорок.

В комнате за столом в кресле сидел немолодой человек в очках. На столе перед ним стояли непонятные предметы. Из знакомого Ивану была только настольная лампа, свет которой был направлен на стол перед незнакомцем. Человек был одет в типичную для союзников темно-зеленую форму и смотрел на нечто, похожее на открытый чемоданчик. Точнее, смотрел на крышку этого чемоданчика. Что там было такое интересное, Ивану было не видно. Однако человек смотрел туда, иногда опуская глаза на доску с множеством кнопочек, по которым он быстро стучал всеми пальцами обеих рук. Очень похоже, что он как бы работал на печатной машинке, но это была точно не она. Доска была слишком плоская для этого. Не прерывая занятия, он указал Ивану на стул и произнес: «Секундочку!» Иван занял указанное место и с интересом стал следить за хозяином помещения, пытаясь догадаться, чем он в данный момент занимается.

Секундочкой дело не обошлось, но менее чем через минуту он утверждающе ткнул в большую клавишу и устало откинулся в кресле, глядя на непонятный агрегат, стоявший сбоку от чемоданчика. Тот загудел и через секунды выплюнул один за другим три листка бумаги. Человек удовлетворенно сложил их и, вытащив из-под стола маленький предмет, щелчком скрепил эти три листка. После чего отложил на край стола, встал с места и, обходя стол, обратился уже к Колосову:

– Так, молодой человек. Сейчас мы прицепим вам датчики. Не бойтесь! Это не больно и не страшно. Вот сюда, сюда и сюда. Все, датчики не трогаем.

Говоря все это, он ловко цеплял какие-то ремешки и зажимчики с проводками на кисти рук и пальцы Ивана. Провода эти были подсоединены к тому самому чемоданчику, стоявшему у него на столе. Чувствовалось, что практика в цеплянии этих непонятных штук у него большая.

Вернувшись на место, он снова устремил взгляд в чемоданчик.

– Итак, прежде чем начнем, поясню. Я задаю вопросы – вы быстро и не раздумывая отвечаете. На любые вопросы! Даже если они вам покажутся неуместными или попросту дикими. Начали! Имя, отчество, фамилия, год и место рождения, воинское звание и специальность?

Иван автоматически начал отвечать, а незнакомец – быстро стучать по клавишам. Выспросив биографические данные, он начал задавать вопросы. Причем действительно некоторые из них выглядели, мягко говоря, странными. Иван добросовестно отвечал, стараясь делать это быстро. Процесс этот занял не более получаса. Так показалось Ивану. Тем не менее он почему-то чувствовал себя после этого как выжатый лимон. Наверно, все же сказывалось ранение и то, что он не ел со вчерашнего дня.

Ожидание, когда процедуру пройдут все, затянулось еще почти на два часа. К этому моменту в коридоре появились четверо бойцов-пограничников с короткими, похожими на немецкие, автоматами. Когда все закончилось, старший лейтенант обошел все четыре кабинета и, выйдя из последнего, приказал построиться в коридоре. В руках у него были те самые скрепленные между собой листочки. Заглянув в один из них, он назвал три фамилии, приказав выйти из строя. Фамилии Колосова и Спиридонова не прозвучали.

– Вы трое отправляетесь в запасный полк Двадцатой армии. Сержант! – это он уже обратился к пограничникам. – Вы свободны!

Колосов понял, что эти трое не прошли проверку. И судя по напряженным бойцам-пограничникам, не всегда непрошедшие проверку отправлялись в запасный полк. Но только, вот убей, никак не мог Колосов понять, в чем эта проверка заключалась и как можно было выявить, кто есть кто. Ну, не посредством же идиотских вопросов, в самом деле!

Особист привел оставшихся шестнадцать человек в штаб полка дивизии НКВД. Оказывается, в этой дивизии был танковый полк, к радости Колосова. Хоть в этом повезло! Там их распределили по подразделениям. Спиридонов и Колосов получили назначение в первую роту второго танкового батальона. Что отрадно, в один экипаж. Колосов – командир танка, Спиридонов – механик-водитель. От радости, что все-таки у него будет танк, а не броневомобиль, Иван забыл спросить марку танка. Остальные шестнадцать человек отправились в мотострелковый батальон полка. Уточнив расположение батальона, двинулись к новому месту службы. Уже подходя к палаточному городку, учуяли запах полевой кухни. Желудок моментально отреагировал, требуя подкрепиться. А нечем! Ротного в расположении не было. Поэтому решили представиться утром. С помощью дежурной службы нашли палатку роты. Вошли. В палатке на двухъярусных кроватях и возле двух печек кучковались полтора десятка служивых. Кинули сидоры на две свободные койки по соседству и пошли знакомиться.

Оказалось, что местные – это они со Спиридоновым. Остальные прибыли самолетами с Большой земли. Ночью ожидалось очередное пополнение. И еще одну особенность отметил Колосов: все до единого имели боевой опыт. Многие имели ранения и попали сюда после госпиталей. Правда, воевали на разных машинах, и Иван не уловил в этом вопросе системы. Что характерно, все прошли проверку на чемоданчике. Что это – не знал никто. Более того, прибывшие с Большой земли союзников ранее не видели никогда, поэтому удивлялись многому тому, к чему Колосов и Спиридонов уже понемногу привыкли. Человек же к хорошему быстро привыкает!

Надо отдать должное, новые сослуживцы сразу смекнули, что вновь прибывшие голодны, и почти сразу же на печурке была разогрета тушенка, нарезан хлеб и заварен чай. Вот в процессе подготовки этого легкого перекуса и во время него и шел обмен информацией. Когда Иван и Спиридонов закончили свои рассказы, Колосов вспомнил мучавший его и Александра вопрос:

– А что за техника-то в батальоне?

Ответом была тишина. Только на лицах новых сослуживцев Иван увидел снисходительные улыбки.

– Что? В штабе мне сказали – «командир танка». В экипаже – четыре человека. Не, ну я понимаю – это точно не КВ, не Т-28, и даже не Т-35. Я командир танка. Сашка – механик, еще есть наводчик и заряжающий. По количеству экипажа похоже на Т-34. Сашка не даст соврать – он на «тридцатьчетверке» воевал. Но там в башне трое не поместятся. Что за техника? Чего лыбьтесь и молчите?

Ответил ему на вид самый опытный, тоже командир танка, лейтенант Стариков.

– Завтра, Вань, все завтра! Комвзвода еще не назначили, ротному представишься. Он тебе номер машины скажет, может, кого из тех, кто сегодня прилетит, в экипаж тебе дадут, мы-то уже расписаны. И в парк. Там и увидишь. А сейчас давайте-ка отбиваться. Ночью новенькие опять спать не дадут, будут тут шариться. А дел у нас ой как много! Успеть бы с ними к сроку. А то пойдём в бой пехотой, так как танки нам не доверят.

Иван с Александром переглянулись, ничего не поняв, и, поблагодарив за ужин, двинулись к койкам. Заснули почти сразу, день и правда был длинный и суматошный. Ночью даже не слышали, как прибыло пополнение и укладывалось добирать часы сна на свободные койки.

Утром после быстрой зарядки и плотного завтрака Иван и Александр представились ротному. Тот их назначил в первый взвод, утвердив просьбу Ивана о назначении к нему в экипаж механиком Спиридонова. Тут же из новеньких добрали наводчика и заряжающего. Наводчиком оказался сержант, татарин Эдик Нигматуллин, а заряжающим – крепыш москвич Александр Беспалов. Их машина имела бортовой номер 47.

С остальными ротный продолжил разбираться, а их экипажу приказал убыть в парк в распоряжение техника роты, что они и сделали, знакомясь уже на ходу. Парк располагался на

другой стороне перелеска. И парком он просто назывался – это был участок поля, никак не размеченный на местности, но охраняемый караулом из состава мотострелкового батальона. Это все они рассмотрели потом. А сейчас, выйдя по уже хорошо утоптанной сотнями ног тропе к парку, они остановились в ошеломлении.

Первым подал голос Нигматуллин.

– Это... это, что за танки? Это вообще танки?

В полусотне метров от них на широких гусеницах стояла приземистая машина в уже зимнем камуфляже, не похожая ни на что ранее виденное. Да что там виденное! Это даже во сне не могло представиться. Большая мощная машина с пушкой невиданной длины и очень серьезного калибра, с огромной округлой башней, с множеством непонятных предметов на ней, крупнокалиберным пулеметом на люке справа. И вся лобовая проекция, и бортовые экраны были покрыты какими-то непонятными коробочками.

– Мать твою! Вот это танки! – отмер Спиридонов.

На боковой броне башни сквозь камуфляж проглядывались цифры «47».

Особый район, штаб 20-й армии

В штабе Ершакова шло совещание, точнее, ежедневное подведение итогов дня – пользуюсь тем, что штабы дивизий находились неподалеку, решено было заменить письменные и телефонные доклады очным присутствием комдивов. Совещание приближалось уже к концу, когда негромко зазвонил один из телефонов на столе командарма. Телефон с красивым гербом СССР вместо номеронабирателя. Ершаков поднял руку с вытянутым верх пальцем, требуя тишины, встал, одернул мундир и снял трубку.

– Здравствуйтесь товарищ Ершаков! – донесся из приложенной к его уху телефонной трубки негромкий голос с акцентом.

– Здравия желаю, товарищ Сталин!

– Доложите о состоянии дел в вашей армии.

– На данный момент из личного состава частей 16-й армии Рокоссовского нами закончено формирование мотострелковых полков дивизий нашей армии. Закончена санитарная обработка личного состава и заменено обмундирование. К концу идет работа особых отделов по проверке прибывшего контингента. На данный момент по два полка каждой из четырех дивизий находятся на первой линии обороны Особого района. Во втором эшелоне обороны находятся танковые и артиллерийские полки дивизий. И уже за ними, в тылу, по одному полку дивизии проходят перевооружение и освоение новой техники и вооружения.

– И как проходит процесс?

– Успешно, товарищ Сталин! Одновременно с освоением техники проводятся учения в звене «взвод – рота» по сколачиванию подразделений и умению взаимодействовать с техникой. Хочу отметить, что личный состав бывшей Шестнадцатой армии опытен и очень мотивирован. Получение нового вооружения и техники встречает с воодушевлением. Соответственно, освоение идет быстрыми темпами. Уверен, что мы уложимся в минимальные сроки, обозначенные нам Ставкой, и будем готовы выполнить приказ Родины.

– Это хорошо! Как там немцы?

– После выхода частей Шестнадцатой армии на территорию Особого района противник неудачно попытался атаковать со стороны Вязьмы вслед отступившим войскам. Неудачно по причине того, что понес ощутимые потери от контрудара наших танковых частей, принятого для обеспечения вывода армии генерала Рокоссовского из Вязьмы. Поэтому части тогда еще Шестнадцатой армии успели занять подготовленные для них рубежи обороны и сумели отразить эту атаку. И хотя наступление велось с разных направлений и достаточно скоординированно, наше преимущество в возможностях разведки, противотанковой обороне

и контрбатарейной борьбе, невозможность использования противником авиации преопределили их неудачу. Не привыкли они воевать без преимущества в этих аспектах. Особо хочу отметить результативность действий артиллеристов полковника Мельникова, командира артбригады армейского резерва. Его артиллеристы подавили большую часть батарей врага. Кроме этого, мое личное мнение, немцы провели эту атаку, скорее, для галочки. Не заметил я в их действиях энтузиазма и настойчивости. Сразу же после неудачной атаки начали минирование местности перед своими позициями по всему периметру Особого района. По данным разведки, моточасти отведены с линии фронта, и их места заняла пехота. Похоже, нас оставят в покое, закрыв здесь, и сосредоточатся на Московском направлении.

– Генштаб пришел к такому же мнению. Что союзники?

– Работают, товарищ Сталин! Освоение техники бойцами и командирами армии ведется при активном участии специалистов союзников, их техники и методик. Связь в войсках армии стала устойчивой и настолько привычной, что стоит только удивляться, как мы воевали без нее, обходясь посыльными. Кроме этого, штаб армии впервые работает в ситуации, когда нам известны передвижения всех подразделений врага от роты и выше приблизительно в радиусе пятидесяти километров. Не везде, конечно, но в районах, нам интересных, – практически круглосуточно. Кроме этого, известны местоположения всех штабов и позиции артиллерии.

– Почему не уничтожаете?

– По мнению союзников, и я с ним согласен, это следует сделать перед началом операции. Иначе мы заставим немцев менять позиции и лучше маскироваться, что может создать затруднения для их поиска и уничтожения. Поэтому цели распределены и по команде будут накрыты артиллерией и авиацией.

– Как дела у товарища Захарова?

– Летчики полностью парализовали дневное движение немецких колонн по любым дорогам в зоне дальности наших самолетов. Уверен, они смогут выполнить свои задачи по прикрытию наших войск и подавлению обороны врага на маршрутах движения дивизий.

– Это хорошо, что вы уверены. Летчики товарища Захарова действительно сейчас являются примером для всего воздушного флота Красной Армии. Ну что же, товарищ Ершаков, работайте, готовьтесь и ждите команды. До свидания!

– До свидания, товарищ Сталин.

Ершаков, услышав отключение линии, опустил трубку на аппарат. И только тут заметил, что весь штаб стоит.

– А вы чего встали? Садитесь, товарищи. Продолжим?

20 ноября 1941 г. Особый район. Аэродром «Дебрево»

Генерал Захаров спустился по ступенькам из кунга обзорной РЛС, куда он заимел привычку заглядывать, когда паузы между вылетами на задания затягивались. Как будто это могло что-то изменить. После жарких боев за Вязьму наступило тягостное затишье. Немцы быстро уяснили опасность движения колонн и поездов днем в радиусе действий его дивизии и перешли на ночной образ жизни. Не сразу, конечно. Сначала попробовали сопротивляться, комплектуя автоколонны и поезда с обязательным зенитным прикрытием 20-мм автоматами. Однако система С-5, которую использовали летчики дивизии Захарова, обладала высокой кучностью и позволяла обстреливать цели с максимальной дальности, сразу же покидая зону поражения зенитным огнем. Немецкие зенитчики только успевали навести орудия на цели и очень редко – открыть огонь. Но на дальности в полтора километра он был малоэффективен. К тому же разрывы осколочных боевых частей реактивных снарядов, начинающих рваться через две-три секунды после пуска, еще больше снижали прицельность огня. Поэтому колонны и поезда атаковали шестерками штурмовиков строем в колонну по одному, в которую перестраивались перед атакой, еще летя на бреющем. Ведущий шестерки делал горку и производил залп НУР-Сами по хвосту или голове колонны, в зависимости от того, с какой стороны атаковали, и

сразу уходил на разворот со снижением снова до бреющего. Ведомый повторял маневр ведущего, видел накрытие ведущего и атаковал колонну уже дальше в глубину. И так далее. Таким образом, зенитное прикрытие или уничтожалось, или становилось малосущественным. Второй заход штурмовики работали пушками и бомбами. Если требовалось, делали третий заход, добывая то, что смогло уцелеть. С железнодорожными составами это все было проще в силу относительно короткой длины поездов. Пробовали немцы и авиационные засады, но если они были в воздухе, то штаб дивизии знал это и, оценивая их количество, либо увеличивал истребительное прикрытие, либо отказывался от налета. Попытки поймать летчиков Захарова, действуя из засад с аэродромов подскока, тоже не принесли немцам особого успеха. Как только они поднимались в воздух, это немедленно становилось известным русским, и те перехватывали атакующих, связывали их боем и давали возможность подопечным штурмовикам и бомбардировщикам уйти. К тому же на помощь атакуемым немедленно вылетала дежурная эскадрилья. Пробовали немцы и дежурить в районах передвижения колонн. Это было наиболее действенно, но отвлекало от фронта слишком много сил авиации. И последнее, что предпринял противник, это попытка использовать свои радары. Только разница в развитии их радиотехники и союзников составляла не одно поколение. От помех, которые ставили союзники, отстроиться немцы не могли. Их радары слепли по команде из Особого района. К тому же все истребители дивизии Захарова по возможности перевооружили, заменив пушки ШВАК на НР-23, а ШКАСЫ – на УБС. Естественно, там, где это было возможно сделать в условиях полевых авиаремонтных мастерских. Правда, оснащенные станками и оборудованием союзников мастерские могли дать фору и некоторым авиазаводам в части ремонта. Плюс установили прицелы на самолеты. Сами союзники были от них не в восторге – слишком примитивные! – но имеющиеся были еще хуже. Да и не все самолеты вообще их имели. Их заменяли крестики на лобовом стекле. Так что и этому были рады. Все это вместе взятое повысило шансы летчиков 43-й дивизии в воздушных боях даже в условиях превосходства врага в технике пилотирования и качестве самолетов.

После всего этого немцы и стали передвигаться в зоне действия исключительно ночами или в нелетную погоду. Но это дело такое – тут нелетная, а тут летать можно. Можно попасть и под удар. А днем передвигались только одиночными машинами и мелкими группами. Но тут проявилась другая опасность – тыл группы «Центр» был наводнен диверсионными группами русских, специализирующимся как раз на атаках слабо защищенных объектов, одиночных машин и мелких подразделений.

Когда цели в виде маршевых колонн и поездов исчезли, дивизия Захарова переключилась на работу по полевым аэродромам люфтваффе. Обзорная РЛС выдала данные по местам активности самолетов врага, а беспилотники уточнили местоположения аэродромов в этих районах. После чего полки 43-й дивизии нанесли по ним успешные штурмовые удары. Теперь в зоне действия дивизии нет и вражеских аэродромов. К слову сказать, занятие немцами того же аэродрома «Двоевка» с бетонной полосой ничего им не дало. Слишком он близко находится к Особому району, и любое движение на нем вызывает немедленный интерес летчиков Захарова. Оставался еще вариант действий 43-й дивизии по переднему краю немцев, находящемуся в ста двадцати километрах восточнее, но командование в Москве запретило использование дивизии Захарова для этой цели.

Поэтому сейчас летчики дивизии в основном занимались теоретической подготовкой, заучиванием ориентиров предполагаемых районов действий и учебными боями над аэродромом. Что тоже было важным, особенно учитывая большое количество новичков, прибывших в дивизию в связи с изменением штатов полков. Все три полка дивизии – истребительный, бомбардировочный, штурмовой – теперь состояли из четырех эскадрилий каждый. А каждая эскадрилья – это восемнадцать самолетов, плюс два самолета комэска и его ведомого. Сделано это было исходя из состава 20-й армии в четыре дивизии, которую прикрывала дивизия Захарова. План был таков: к штабу каждой дивизии прикреплялся один из командиров штаба 43-й

дивизии с радиосредствами. Ему в оперативное подчинение передавалось по одной эскадрилье истребителей, штурмовиков и бомбардировщиков. В полках дивизий находились авианаводчики, также с радиосредствами, подчиненные также авиационному представителю в штабе дивизии. Авианаводчиков специальным бортом перебросили с Большой земли. Как правило, это были бывшие летчики, списанные с летной работы по ранениям. Летать они не могли, но найти общий язык с теми, кто был в небе, для них не составляло труда. Они прекрасно представляли себе, что видит летчик из кабины самолета с высоты. У самого Захарова был резерв в виде отдельной эскадрильи Як-1.

Спустившись на снег, генерал повел затекшими плечами. Сегодня, похоже, боевых вылетов не будет. Видимость в ясном морозном воздухе миллион на миллион. Враг затаился до ночи. Вверху звенели моторы маневрирующих в учебном бою истребителей. Вот так аэродром и жил круглосуточно: днем либо боевые вылеты, либо учебные; ночью превращался в гражданский аэропорт с садящимися и взлетающими в свете прожекторов ПС-84.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.